

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
НОВОСИБИРСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Ю. В. ФОМЕНКО

УЧЕНИЕ О СЛОВЕ

Учебное пособие

НОВОСИБИРСК

1991

Печатается по решению редакционно-издательского совета

Автор: д-р филол. наук проф. **Ю. В. Фоменко**. Учение о слове: Учебное пособие. — Новосибирск: Изд. НГПИ, 1991. — 64 с.

Настоящее пособие содержит подробную характеристику важнейшей единицы языка — слова. Анализируются компоненты содержания слова (лексическое значение, грамматические значения, эмоционально-оценочный и стилистический компоненты) и его форма, соотношение лексического значения и понятия, формы и варианты слова, многозначность и типы лексических значений.

Пособие адресуется студентам-филологам, аспирантам, вузовским преподавателям, научным работникам, а также школьным учителям.

Научный редактор — канд. филол. наук **З. В. Ничман**.

Рецензенты: **кафедра** русского языка Омского государственного университета; **кафедра** русского языка Новосибирского государственного педагогического института.

© Новосибирский государственный педагогический институт, 1991.

ВВЕДЕНИЕ

Человеческий язык — это язык слов. Иначе говоря, слово является основной единицей языка. Мы уже немало знаем о слове — как в языке вообще, так и в русском языке в частности. Но всякое знание относительно. Относительны и неполны и наши знания о слове. Теория слова постоянно развивается и обогащается. Свою скромную лепту в теорию слова хочет внести и автор этих строк.

Настоящее пособие содержит достаточно подробную характеристику всех компонентов содержания слова — лексического и грамматических значений, эмоционально-оценочного и стилистического компонентов, а также способов их выражения. Рассматривается вопрос о соотношении лексического значения и понятия, формы и варианты слова, проблема многозначности, типы лексических значений.

Автор стремился учесть всю имеющуюся литературу, отразить в пособии все многообразие точек зрения и сформулировать свое понимание рассмотренных в книге вопросов, а также придать изложению проблемный, полемический характер. В какой мере это ему удалось, судить читателю.

СЛОВО КАК ОСНОВНАЯ ЕДИНИЦА ЯЗЫКА

Какова структура языка? Сколько единиц входит в язык — одна или несколько?

По традиции к числу единиц языка относят фонему, морфему, слово, фразеологический оборот, часто — предложение, а также синтаксическое (свободное) словосочетание. Под понятие единицы языка нередко подводят дифференциальный признак фонемы, слог, основу, даже абзац, контекст и интонацию. Но одинаков ли их лингвистический статус, т. е. место в системе, функциональная природа? Правоммерно ли объединять их одним, общим названием *единица языка*? На наш взгляд, нет. Применение термина *единица языка* по отношению к самым разным лингвистическим фактам и их свойствам мешает исследователю и учащемуся получить точное представление об устройстве языка.

Кроме понятия единицы, в описании языка целесообразно использовать еще понятие *элемента и комбинации единиц*. Элемент — это составная часть какого-либо целого, единица — основной элемент, а комбинация единиц — это свободное и временное

соединение единиц, не образующее новую, сложную единицу. Понятно, что единица любого множества должна нести в себе все основные признаки этого множества. С этой точки зрения единицей языка следует считать слово¹ (а также эквивалентный ему фразеологический оборот — сращение и единство), обладающее признаками субстанциональности (материальности), дискретности (прерывности, членораздельности, выделяемости, непересекаемости), линейности (протяженности), неоднородности (разнокачественности), иерархичности (предполагающей вхождение менее сложных языковых объектов в состав более сложных), воспроизводимости (которая означает регулярное использование элемента как готового, заранее данного образования), цельности (неделимости), двусторонности (которая означает наличие у слова формы и содержания, внешней и внутренней сторон), номинативности (т. е. способности обозначать, называть отдельные объекты) и самостоятельности (т. е. способности самостоятельно употребляться в естественной речи). Фонема, лишенная признаков двусторонности, номинативности и самостоятельности, и морфема, лишенная признаков номинативности и самостоятельности, имеют статус элементов языка (строительного материала для слов), а предложение (конкретная фраза), лишенная признака воспроизводимости, — это комбинация единиц, выполняющая коммуникативную функцию².

ГЛАВА 1

ПЛАН СОДЕРЖАНИЯ СЛОВА

Слово называют двусторонней единицей языка, потому что оно имеет две стороны — внутреннюю и внешнюю, содержание и форму.

Содержание слова включает в себя *4 компонента*: лексическое значение (которое часто называют просто значением), грамматические значения, эмоционально-оценочный и стилистический компоненты. Последовательно рассмотрим их.

1. ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Лексическое значение является важнейшей частью содержания слова. «Проблема значения принадлежит, несомненно, к наиболее

¹ В лингвистической литературе слово обычно называют основной единицей языка. Это определение не вызывает принципиальных возражений, но, как кажется, не является вполне точным, поскольку предполагает наличие в языке множества единиц (типов единиц).

² Более подробно об этом говорится в следующих работах: Фоменко, 1979; Фоменко, 1988; Фоменко, 1990.

важным и наиболее интересным в философском отношении проблемам эпохи», — говорит А. Шафф (1963, 222). Разнообразные концепции значения, существующие в современной лингвистике, можно свести к двум основным — структуральной (релятивистской) и отражательной (субстанциональной). Если представить эти концепции в виде кратких формул, то они получают следующий вид:

I. Значение есть отношение.

II. Значение есть отражение (идеальный образ предмета³).

Первая концепция значения представлена несколькими точками зрения, а именно:

- 1) значение есть отношение между словами,
- 2) значение есть отношение звукокомплекса к предмету,
- 3) значение есть отношение звукокомплекса к понятию,
- 4) значение есть отношение образа звукокомплекса к образу предмета.

Первая точка зрения восходит к Ф. де Соссюру и отражена в его термине *значимость* (ценность). Попробуем разъяснить это понятие словами самого Соссюра. «Когда говорят о значимости слова, обыкновенно и прежде всего думают о его свойстве репрезентировать понятие — это действительно один из аспектов языковой значимости, — пишет Соссюр. — Но если это так, то чем же значимость отличается от того, что мы называем *значением*? Являются ли эти два слова синонимами? Мы этого не думаем, хотя смешать их легко, тем более, что этому способствует не столько сходство терминов, сколько тонкость обозначаемых ими различий.

Значимость, взятая в своем концептуальном аспекте, есть, конечно, элемент значения, и весьма трудно выяснить, чем это последнее отличается от значимости, находясь вместе с тем в зависимости от нее»⁴ (Соссюр, 1977, 146).

«...Для определения значимости слова недостаточно констатировать, что оно может быть сопоставлено с тем или иным понятием, то есть что оно имеет то или иное значение; его надо, кроме того, сравнить с подобными ему значимостями, то есть с другими словами, которые можно ему противопоставить. Его содержание определяется как следует лишь при поддержке того, что существует вне его. Входя в состав системы, слово облечено не только значением, но еще главным образом значимостью, а это нечто совсем другое» (Соссюр, 1977, 148).

«Внутри одного языка слова, выражающие близкие понятия,

3 Под предметом мы будем понимать «всякое конкретное материальное явление, воспринимаемое органами чувств как нечто существующее особо» (Словарь, 111, 501), т. е. то, что обозначается не только существительными, но и глаголами, и прилагательными, и другими частями речи.

4 Вполне ли корректно утверждение, что значение включает в себя значимость и в то же время зависит от нее?

ограничивают друг друга: синонимы, например *redouter* «опасаться», *craindre* «бояться», *avoir peur* «испытывать страх», обладают значимостью лишь в меру взаимного противопоставления; если бы не существовало *redouter*, то все его содержание перешло бы к его конкурентам» (Соссюр, 1977, 148).

Значимости «чисто дифференциальны, то есть определяются не положительно — своим содержанием, но отрицательно — своими отношениями к прочим членам системы. Их наиболее точная характеристика сводится к следующему: быть тем, чем не являются другие» (Соссюр, 1977, 149).

«В языке, как и во всякой семиологической системе, то, что отличает один знак от других, и есть все то, что его составляет. Различие создает отличительное свойство, оно же создает значимость и единицу» (Соссюр, 1977, 154). «...*В языке нет ничего, кроме различий*» (Соссюр, 1977, 152; выделено автором. — Ю. Ф.)⁵.

Эту мысль Соссюра развивают многие современные языковеды. Например, Ю. Д. Апресян пишет: «Каждый языковой знак, а следовательно означающее и означаемое, существуют не сами по себе, а исключительно в силу своего противопоставления другим единицам того же порядка. В языке нет ничего, кроме противопоставлений» (Апресян, 1966, 30—31). «В настоящее время, — утверждает Д. Н. Шмелев, — никто из лингвистов не сомневается в том, что каждая единица языка получает свое собственное лингвистическое значение благодаря соотносительности с некоторыми другими единицами» (Шмелев, 1965, 290; см. также: Васильев, 1972, 48; Гак, 1971, 87).

Какие аргументы можно противопоставить этим высказываниям?

Во-первых, различие существует только на фоне сходства. Они предполагают друг друга и невозможны друг без друга. Иначе говоря, в значение каждого слова, кроме дифференциальных, входят и интегральные признаки, тем более, что эти интегральные признаки в другой оппозиции (в другой микрогруппе) выступают как дифференциальные.

Во-вторых, чтобы овладеть значениями слов, совершенно недостаточно информации о том, что они каким-то образом противопоставлены друг другу. Что даст изучающему язык указание на то, что, например, немецкие слова *Fisch* и *Tisch* различаются по значению? Любой звукокомплекс в этом случае окажется полностью лишенным положительного содержания. Владеть значением — значит знать, наименованием какого объекта (денотата) является слово. Чтобы овладеть значением, нужно хотя бы раз воспринять обозначаемый словом предмет. Конечно, представление о значении того или иного слова (особенно если оно обозначает отвлеченный

⁵ Пока Соссюр рассматривает значимость как элемент (аспект) значения, мы в целом соглашаемся с ним, когда же он растворяет значение в значимости, ставит вещи в зависимость от отношений — мы вынуждены с ним полемизировать.

предмет, не воспринимаемый органами чувств) мы можем составить и по его толкованию, и по окружению (контексту), но эта информация о лексическом значении вторична и не отменяет общего правила: люди овладевают языковыми значениями в процессе познания внеязыковой действительности, предметного мира. О. С. Ахманова пишет: «Если, например, слепой от рождения никогда не видал ни мела, ни молока, ни снега, ни вообще каких-либо белых предметов, значение слова «белый» никогда для него по-настоящему не раскроется» (Ахманова, 1961, 22). «Совершенно ясно, — соглашается Д. Н. Шмелев, — что значение слова не может быть определено безотносительно к тому предмету или явлению, для обозначения которого это слово используется» (Шмелев, 1964, 6).

Ни один звукокомплекс не получал значения благодаря введению его в ту или иную лексическую макро- или микросистему. Этого не было и этого не может быть. Звукокомплекс получает значение благодаря его соотнесению с тем или иным предметом, познанным человеком. Ведь слово — это знак предмета. Предмет первичен, слово (название) вторично. Если мы примем критикуемую точку зрения, то нам придется признать, что предмет вторичен и возникает как следствие возникновения названия. Понятно, что этот вывод неприемлем. Следовательно, неприемлема и посылка. «Чистое» знание о месте слова в системе слов не может дать никакого представления о значении слова⁶.

Подтвердим наши рассуждения конкретным примером. Недавно во все языки мира стремительно ворвалось пугающее слово СПИД. Это слово является названием недавно обнаруженной (или появившейся) болезни — «синдрома приобретенного иммунодефицита». Каким же образом звукокомплекс СПИД получил свое значение? Благодаря вхождению в систему (лексическую микросистему «наименования болезней»)? Нет. Сначала должен был появиться сам обозначаемый этим словом предмет — упомянутая болезнь. Более или менее изучив эту болезнь, получив о ней некоторое пред-

6 Некоторые возражают: «Если нам сообщат, что некое слово *куздра* входит в одну тематическую группу со словами *волк*, *медведь*, *лиса*, то мы догадаемся, что *куздра* — это название животного». Это верно. Но ведь представление о значении слова *куздра* мы получили не благодаря «чистому», «стерильному» знанию о месте слова в языке (в той или иной микро или макрогруппе), а благодаря прямой информации о том, что слово *куздра*, как и слова *волк*, *медведь*, *лиса*, — название животного. Иначе говоря, нам прямо предъявлена семантическая тема микрогруппы «животные» (или «дикие животные»). Еще важнее то, что нам предъявлена информация об интегральной семе группы и, следовательно, слова *куздра*, но мы не можем сделать вывод о дифференциальных семах слова *куздра*, т. е. об отличительных признаках этого животного. Между тем для Соссюра и современных структуралистов различие есть главное или даже все. Таким образом, мы действительно имеем право утверждать, что «чистое» знание о месте слова в системе языка не дает никакого представления о значении слова.

ставление (понятие), специалисты нашли для нее соответствующее обозначение.

Таким образом, мы подтвердили гипотезу о том, что значение слова определяется не местом слова в системе, а внеязыковой действительностью, характером обозначаемого предмета.

Изолированные слова тоже имеют значение. Можно сообщить русскому ребенку значение немецкого слова *Mutti*, и он запомнит его, сможет при случае пустить в ход.

В-третьих, тезис «Значение есть соотношение между словами» противоречит марксистскому пониманию диалектики вещей и отношений. К. Маркс писал: «... Свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении» (Маркс, Энгельс, т. 23, 67). Известно, что любые отношения существуют как отношения вещей. Следовательно, вещи первичны, а отношения вторичны (см.: Свидерский, 1962, 35—36; Мельничук, 1970, 62). «... Значения не выводимы из отношений. Но зато отношения выводимы из значений» (Абаев, 1973, 528). «Тот факт, что отношения существуют между единицами («вещами»), а их характер определяется свойствами единиц, свидетельствует как о том, что возникновение отношений невозможно до возникновения самой единицы («вещи»), так и о том, что отношения являются атрибутом структуры. Из этого также вытекает, что не пересечение отношений порождает элементы и, следовательно, не элементы вторичны, а само пересечение отношений в данной единице зависит от ее свойств, и, следовательно, оно вторично, а единицы первичны» (Щур, 1964, 25—26). «В отличие от других семиотических объектов, где значимость элемента определяется его местом в системе, в языке сами свойства элемента определяют его место в системе» (Щур, 1971, 42; см. также: Щур, 1974, 152 и др.).

Возражая против абсолютизации принципа системности, Ф. П. Филин замечает: «Это верно, что языковые явления взаимосвязаны и составляют макро- и микро-системы, которые нередко создают сложные переплетения. Однако неверно полагать, что системные отношения, связи являются в структуре языка главными или даже всем, а сами явления языка, их материальные субстанции — это нечто второстепенное или даже ничто...» (Филин, 1977, 10).

«По Соссюру, понятия (значения) формируются системой, для нас они, — говорит В. М. Солнцев, — результат отражательной (познавательной) деятельности людей» (Солнцев, 1977, 124; см. также: Будагов, 1963, 20; Гак, 1971, 95).

«Практика лингвистических исследований и опыт машинного перевода показали, — пишет В. З. Панфилов, — что языковое значение невозможно определить не только на основе учета синтагматических связей, но и всей совокупности системных связей соответ-

ствующих языковых единиц и что, следовательно, идеальная сторона языковой единицы не может рассматриваться только как продукт ее отношений с другими языковыми единицами» (Панфилов, 1975, 35).

Общепризнанным является тезис о том, что лексическое значение имеет отражательную природу. Но это как раз и означает, что оно определяется предметным миром, а не системой языка. Например, слова *собака* и *пес*, *собака* и *лает* получают свои значения не потому, что соотнесены друг с другом, а потому, что имеют определенные корреляты во внеязыковой действительности. Значения этих слов, в свою очередь, определяют их отношения, их место в системе. Иначе говоря, отношения слов не обуславливают значения, а обуславливаются ими.

Значимость является по отношению к значению величиной вторичной, производной. «Для системы языка значение единицы выступает как ее системообразующее свойство, значимость — как системоприобретенное свойство» (Солнцев, 1977, 124; см. также: Слюсарева, 1967, 68; Панфилов, 1975, 35—36; Будагов, 1974, 9—10; Шур, 1974, 152 и след.; Шур, 1971, 42). «... В отличие от других семиотических объектов, где значимость элемента определяется его местом в системе, в языке сами свойства элемента определяют его место в системе» (Шур, 1971, 42). Место в системе есть не причина, а следствие того, что данная единица обладает определенным набором признаков. Например, слово *кондуктор* в значении «работник городского транспорта, сопровождающий трамвай, автобус, троллейбус, продающий проездные билеты, наблюдающий за посадкой пассажиров и т. п.» входит в группу слов — наименований лиц по профессии, а в значении «приспособление в станках, придающее правильное взаимное положение инструменту и обрабатываемому изделию» — в группу слов — наименований деталей машин и механизмов.

В чем проявляется «давление системы», т. е. «значимость» лингвистической единицы — слова? Оно проявляется не в характере, не в природе информации, которую несут взаимодействующие слова, а в объеме этой информации, в определении семантических границ слов. Слова одного поля, участвуя в сегментации какого-либо участка экстралингвистической действительности, распределяют между собой его фрагменты. Чем больше слов, покрывающих данное понятийное поле, тем уже их значения, и наоборот. Так различаются, например, *blau* в немецком языке и *синий/голубой* в русском; *waschen* в немецком языке и *стирать/мыть* в русском; *рука* в русском языке и *Hand/Arm* в немецком. Можно сказать, что внеязыковая действительность (и сознание) определяет качество значения, а система языка — его «количество».

В-четвертых, отношение — это не «вещь», имеющая объем, состав и структуру, а линия, лишенная указанных признаков. Если значе-

ние — это отношение, то оно тоже должно представлять собой линию, лишенную объема, состава и структуры. Но в этом случае значение не могло бы подвергаться лексикографической обработке, не могло бы быть интерпретировано как совокупность сем. Если же это не так, значит, понимать значение как отношение нельзя.

Некоторые лингвисты (Е. М. Галкина-Федорук, А. С. Чикобава, А. В. Калинин и др.) определяют значение как отношение звукокомплекса к предмету⁷. Проверим эту гипотезу логически и эмпирически. Легко понять, что звуковой комплекс в прямой связи с предметом состоять не может. Эти феномены могут быть связаны друг с другом только в человеческом сознании (см.: Кацнельсон, 1965, 35). А. И. Смирницкий справедливо заметил, что если бы лексическое значение было связью слова (звукокомплекса) с предметом, то все слова имели бы одно значение, ибо они одинаково относятся к предметам (Смирницкий, 1955, 82). Если бы, наконец, значение было отношением, то не было бы возможно содержательное толкование слова, его компонентный анализ.

Таким образом, значение нельзя определять как отношение звукокомплекса к предмету.

Нельзя согласиться и с формулой «Значение есть отношение звукокомплекса к понятию» (см., напр.: Будагов, 1965, 13). Во-первых, звукокомплекс как физическое образование и понятие как идеальное образование лежат в разных плоскостях и непосредственно друг с другом не связаны. Можно было бы лишь говорить о связи понятия и мыслительного образа звукокомплекса. Во-вторых, интерпретация значения как отношения опровергается лексикографической практикой, тысячекратно подтвердившей и подтверждающей мысль о том, что значение есть не отношение вещей, а вещь, субстанция, сложное мыслительное образование.

Точно так же приходится отвергнуть и тезис «Значение есть отношение образа звукокомплекса к образу предмета». Эта связь действительно имеет место, но если приравнять значение к отношению, то такое «значение», как мы уже отмечали, оказывается лишенным содержания и одинаковым для всех слов.

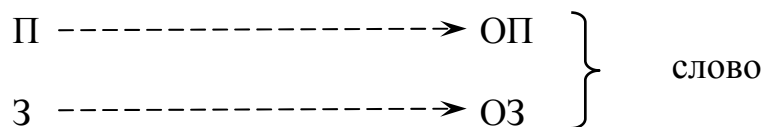
Таким образом, концепцию значения как отношения приходится признать ложной.

Перейдем к анализу второй основной концепции значения — «Значение есть отражение (идеальной образ предмета)». Согласно этой концепции, которую называют отражательной, значение есть

⁷ «Под лексическим значением следует понимать соотношение и связь звукового комплекса и обозначенного им предмета, явления, процесса, качества и т. д.» (Галкина-Федорук, 1957, 16). Двумя строчками ниже Е. М. Галкина-Федорук определяет лексическое значение уже как соотношение звукового комплекса и понятия.

«Значение слова — это его соотнесенность, связь с определенными явлениями действительности» (Калинин, 1979, 9).

отражение предмета в человеческом сознании, есть идеальный образ предмета (ассоциированный с образом звукокомплекса). Эту концепцию можно представить в виде следующей схемы:

(где П — предмет, ОП — образ предмета, З — звучание, а ОЗ — образ звучания). Как видно из схемы, слово на уровне языка (в языковом сознании) есть единство предметного и акустического образов. Слово же на уровне речи (в акте говорения) — это звукоряд, сам по себе не несущий значение, т. е. односторонняя физическая (акустическая) сущность. Значение локализуется в голове и никогда не покидает ее.

Итак, значение есть отражение (идеальный образ, слепок, отпечаток) предмета в человеческом сознании. Значение есть квант⁸ информации, знание о мире. «... Языковые значения представляют собой отчужденное мышление. Возникнув в ходе исторического развития, значения единиц языка превратились в типовые знания, известные всем говорящим на данном языке и используемые как средство оформления и передачи конкретной мысли» (Кодухов, 1974, 162). «...В значениях представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира...» (Леонтьев А. Н., 1977, 141). Эту отражательную концепцию значения разделяет подавляющее большинство советских лингвистов.

Интерпретация значения как гносеологического образа предмета ставит перед нами вопрос о его соотношении с понятием. Возможны три решения этого вопроса: 1) значение не равно понятию, 2) значение равно научному понятию и 3) значение равно бытовому понятию.

Рассмотрим *первую* точку зрения. Вспомним, что понятие — это форма мышления, отражающая общие и существенные признаки предмета (класса однородных предметов). Таким образом, и значения, и понятия имеют отражательную природу. Если теперь согласиться, что значение не равно понятию, то придется сделать вывод, что в человеческом сознании сосуществуют два ряда отражений предметов внешнего мира — значения и понятия. Но возможно ли, чтобы в одном зеркале предмет отражался дважды? Если один мир, то единым должно быть и его отражение в сознании. Этот вывод подтверждает каждодневная человеческая практика. Ни один физиолог, психолог и психолингвист не придерживается мнения о наличии двойного отражения мира в человеческом сознании. Значит, анализируемая точка зрения неверна.

⁸ В физике квант — наименьшее количество какой-либо энергии; расширительно — «порция», фрагмент, доля.

Согласно *второй* точке зрения, значение равно (научному) понятию, совпадает с ним (Ф. Травничек, П. С. Попов, Г. В. Колшанский и нек. др.). Если, однако, мы примем эту точку зрения, то нам придется рассматривать язык как хранилище всей суммы знаний, накопленных обществом. В этом случае человек, владея языком, владел бы всей громадой человеческих знаний. Поскольку это не так, делаем вывод, что отождествление значения и научного понятия неправомерно.

Согласно *третьей* точке зрения, выдвинутой А. А. Потебней, значение равно бытовому понятию⁹. Если научное понятие включает в себя все знания о предмете, то бытовое понятие — минимум этих знаний, необходимый для выделения и распознавания предмета. Бытовое понятие является частью, ядром научного (см.: Кацнельсон, 1965, 19). Например, научное понятие воды включает в себя следующую информацию: «прозрачная, бесцветная жидкость, которая в чистом виде представляет собою химическое соединение кислорода и водорода, образует ручьи, реки, озера и моря и служит средством утоления жажды, мытья, варки и т. п.» В бытовое же понятие воды войдут лишь признаки «прозрачная, бесцветная жидкость, служащая для питья, варки и т. п.» Иногда разница между бытовым и научным понятиями бывает качественной. Так, бытовое понятие «теплый» — «который греет», а научное — «который сохраняет тепло». Еще: «(Солнце) зашло, село, взошло, поднялось». Толковые словари толкуют бытовые понятия (значения слов), а энциклопедические — понятия научные.

«Слова, — говорит С. Д. Кацнельсон, — так же относятся к содержательным (научным. — Ю. Ф.) понятиям, как библиотечная картотека — к содержанию зарегистрированных в ней книг» (Кацнельсон, 1965, 25). «Содержательные понятия, — продолжает С. Д. Кацнельсон, — у разных людей могут оказаться различными в силу различий индивидуального опыта, уровня образования, самостоятельности мысли, творческой одаренности и т. д. Что же касается формальных (бытовых. — Ю. Ф.) понятий, образующих содержание слов, то в принципе они должны быть одинаковы у всех членов данной языковой общности» (Кацнельсон, 1965, 23).

«Но если значение слова, — ставит вопрос С. Д. Кацнельсон, — выражает лишь формальное (бытовое. Ю. Ф.) понятие, т. е. лишь часть, самую общую часть его содержания, то как быть с остальной частью? Разве она не может быть передана» (Кацнельсон, 1965, 24) словом? Может, но не одним словом, а их комбинацией (группой слов, предложением, цепочкой предложений, целым текстом).

Когда мы говорим, что значение слова совпадает с бытовым

⁹ «В когнитивном аспекте лексические значения — те же понятия...» (Никитин, 1985, 119).

понятием, то это значит, что значение имеет обобщающий характер, направлено на целый класс однородных предметов. Например, слово дерево обозначает не только данное, конкретное дерево, но всякое дерево, дерево вообще, т. е. класс деревьев. Это естественно и неизбежно. Представим себе на минуту, что язык начал бы присваивать каждому отдельному предмету специальное наименование, отказавшись от всякого обобщения. Количество конкретных предметов беспрельдно. Беспредельным должен был быть и словарь. Однако такой словарь невозможно ни усвоить, ни использовать. Значит, язык не может не обобщать. В. И. Ленин справедливо заметил: «В языке есть только общее».

Таково значение слова в языке. В речи же слово может быть направлено на отдельный, конкретный предмет, и тогда его значение конкретизируется. Например: «Это дерево посадил я».

Как известно, мышление человека имеет две ступени — ступень конкретно-чувственного (образного) и ступень абстрактного мышления. Формами конкретно-чувственного мышления являются ощущения, восприятия и представления, формами абстрактного мышления — понятия¹⁰ (а также суждения и умозаключения). Пользуясь этими терминами, можно сказать, что полнотнаменательное слово в языке всегда выражает понятие, а в речи оно может выразить и понятие, и представление, и восприятие, и, по-видимому, ощущение. Например: 1) «Ветер — это перемещение воздушных масс» (понятие); 2) «Вчера был сильный ветер» (представление); 3) «Ветер срывает шляпы с прохожих» (восприятие); 4) Услышав легкое дребезжание стекол, вы говорите: «Ветер». Это ступени семантической конкретизации слова в речи.

Все сказанное относится к нарицательным именам, называющим целые классы однородных предметов. Каково же значение собственных имен? С какой формой мышления оно соотносено?

Собственные имена неоднородны. Их можно разделить на два основных типа: 1) *Иван, Татьяна, Жучка* и 2) *Москва, Байкал, Кавказ*.

¹⁰ Вспомним, что ощущение — это отражение в сознании человека отдельных свойств предметов и явлений материального мира в результате их воздействия на органы чувств. Восприятие — это непосредственное отражение в сознании человека предметов реального мира, действующих на наши органы чувств. Особенностью восприятия в сравнении с ощущением, отражающим то или иное отдельное свойство, качество предмета, является отражение предмета в целом как совокупности и взаимосвязи свойств. Если восприятие отражает единичный предмет, действующий на наши органы чувств в данных, конкретных обстоятельствах, то представление есть образ (отражение) предмета, сохранившийся в сознании уже после того, как предмет перестал воздействовать на наши органы чувств. Иначе говоря, это чувственный образ предмета, воспроизводимый в сознании без наличия самого предмета. Понятие отличается от представления тем, что оно отражает общие и существенные признаки целого класса однородных предметов. Оно есть результат обобщения восприятий и представлений большого числа однородных предметов.

Собственные имена типа *Иван* (т. е. имена, служащие наименованием большого числа объектов), по-видимому, выражают понятия. В лексическое значение слова *Иван* входят три семы — «имя» + «лицо» + «мужской пол». В речи собственные имена типа *Иван* обычно конкретизируются и выражают представление или восприятие. Например: «Иван ушел в отпуск». Спецификой лексического значения слов типа *Иван* является то, что это лексическое значение присуще не одному слову, а целому ряду слов: *Иван, Петр, Сергей, Николай* и другие различаются лишь звуковой оболочкой, напоминая дублиеты. В содержание собственных имен входят также эмоционально-оценочный и стилистический компоненты (ср.: *Иван* — *Ванька* — *Ванечка*; *Николай* — *Николаишка*).

Собственные имена типа *Москва* (т. е. имена, служащие наименованием только одного объекта) выражают не понятия, а представления. В лексическое значение слова *Москва* входят такие признаки, как: «столица СССР» + «промышленный и культурный центр нашей страны». И в языке и в речи слово *Москва* имеет одно и то же значение.

Итак, лексическое¹¹ значение есть идеальный образ предмета, совпадающий с бытовым понятием и ассоциированный с образом звукокомплекса (об этом см. ниже).

В то же время у значения есть еще некоторые чисто языковые признаки, чуждые понятию и делающие значение чисто лингвистической величиной.

Лексические значения могут различаться «внутренней формой» (выражение А. А. Потебни), т. е. первоначальным признаком, легшим в основу названия. Сравним три синонима, использованных Д. Граниным в одной фразе: «Неужели у него не хватит воли забыть ее? Он презирал себя, называл себя тряпкой, размазней, слюнтяем» (Искатели). Синонимы *тряпка, размазня* и *слюнтяй* имеют одно и то же лексическое значение — «бесхарактерный, безвольный человек», но различаются внутренней формой: в лексическом значении первого синонима присутствует образ тряпки, в лексическом значении второго — образ каши-размазни, в лексическом значении третьего — образ слюней (или человека, изо рта которого текут слюни).

Внутренней формой (мотивировочным признаком) различаются слова *кладбище* и *погост*, русское *снегирь* и сербское *зимовка*, русское *нож* (первоначальный признак — «пронзающий») и немецкое *Messer* (первоначальный признак — «измеряющий»: глагол *messen* — «мерить»).

Понятия внутренней формы не имеют.

Лексические значения различаются также с точки зрения свободы

¹¹ Поскольку лексическое значение есть идеальный образ предмета, его нередко называют предметным, вещественным, реальным.

функционирования в речи, свободы сочетаемости. Например, значения слов *лучший* и *закадычный* совпадают с логической (понятийной) точки зрения, но различаются с сочетательной: значение слова *лучший* является свободным, а значение слова *закадычный* — связанным.

Специфику значения (по сравнению с понятием) можно видеть также в многозначности слов. Каждое из значений многозначного слова связано со всеми другими значениями, являясь членом микросистемы, малой парадигмы. Например, значение «малыш» у слова *клоп* существует в единстве со значением «маленькое кровососущее насекомое». Понятие же (в данном случае «маленький ребенок») в многозначное слово не входит.

Важно подчеркнуть, что внутренняя сторона слова не исчерпывается лексическим значением. Сюда входят еще грамматические значения, эмоционально-оценочный и стилистический компоненты. Единство лексического и грамматических значений, эмоционально-оценочного и стилистического компонентов целесообразно называть термином *содержание слова*¹².

Термин *содержание слова* еще не вошел в обиход. И в научной литературе, и в практике преподавания обычно используется термин *значение*. Иначе говоря, этот термин используется и для обозначения целого (всей внутренней стороны слова), и для обозначения части (лексического значения). Эта двузначность термина ведет к постоянным недоразумениям, связанным с подменой одного значения термина другим. Например, некоторые задают тревожный вопрос: «Если значение равно бытовому понятию, то значение оказывается нелингвистической величиной. Не ведет ли это к отождествлению языка и мышления?» — «Нет, — ответим им мы, — не ведет. Во-первых, у значения есть чисто лингвистические признаки (внутренняя форма и валентность), во-вторых (что еще важнее), план содержания слова, кроме лексического значения, включает еще в себя грамматические значения, эмоционально-оценочный и стилистический компоненты».

В свое время ожесточенно спорили по поводу того, входит или не входит эмоциональная окраска в значение слова. Этот спор тоже объяснялся двузначностью термина значение. Теперь мы можем сказать, что в значение (лексическое значение) эмоциональный компонент не входит, а в содержание слова — входит.

Пожалуй, еще большие трудности вызывает двузначность термина *значение* в практике преподавания языка в вузе и школе.

Повторим: для обозначения внутренней стороны слова мы будем использовать философский и общенаучный термин *содержание*.

¹² Можно также использовать термин *семантика* слова.

Легко увидеть, что содержание слова качественно отличается от понятия.

Итак, лексическое значение — не продукт системы, не продукт языка, а отражение предмета в сознании, его идеальный образ, слепок, отпечаток. Оно порождается не системой языка, а внеязыковой действительностью. Его природа совпадает с природой понятия. Лексическое значение равно бытовому понятию¹³.

С чем мы имеем дело в словаре — с лексическим значением или с его моделью? Да, в словаре мы имеем дело не с самим значением, а с его моделью, поскольку лексическое значение как факт сознания, как явление идеальное недоступно непосредственному наблюдению. Словесное же определение лексического значения в словаре есть не значение, а его модель, т. е. воспроизведение в другом материале.

Лексическое значение есть отражение предмета в сознании. Но предмет представляет собой не аморфную массу, а некоторую совокупность свойств (признаков, частей). Следовательно, отражение предмета в сознании тоже должно члениться на части (компоненты), каждая из которых отражает тот или иной признак предмета. Следовательно, значение слова представляет собой комбинацию двух или нескольких частей, компонентов¹⁴. Кроме термина *компоненты значения*, в литературе используются еще термины *элементарные смыслы*, *семантические множители*, *дифференциальные признаки*, *семы*, причем самым распространенным является последний. Метод разложения значения на части (компоненты, семы) называют *компонентным* (семным) *анализом*. Компонентный анализ как особый метод изучения лексики появился сравнительно недавно, хотя на уровне интуиции он давно уже имел место в практике лексикографического описания слов. Ведь всякое толкование слова по существу представляет собой попытку представить значение как некоторую совокупность составных частей. Каждая сема представлена в толковании лексического значения одним или несколькими словами. Например: *атолл* = «коралловый» + «остров» + «имеющий форму сплошного или разорванного кольца»; *бугор* =

¹³ Лексическое же значение терминов совпадает с научным понятием.

¹⁴ По-видимому, лексическое значение может быть и однокомпонентным (см., напр.: Никитин, 1988, 60). Таковы значения признаков слов типа *один*, *седьмой*, *одинаковый*, лексем вроде *всегда*, *там*, *около* и *под*.

Не исключено, что число компонентов значения зависит от глубины анализа. Например, слово *умница* можно представить в виде комбинации двух сем — «умный» + «человек». Но ведь семы «умный» и «человек» сами могут быть представлены как комбинации сем. В таком случае число сем, входящих в значение слова *умница*, резко увеличивается. Однако лексикологи склоняются к тому, что компонентный анализ не должен уходить вглубь (см.: Шрамм, 1981, 60).

Обратим внимание на двузначность термина *компонент*. Этот термин обозначает и часть содержания слова (лексическое значение, грамматические значения, эмоционально-оценочный и стилистический компоненты), и часть лексического значения.

= «небольшой»+«холм»; *вихор* = «торчащая вверх»+«прядь волос».

Компоненты значения вычленяются в результате сравнения двух смежных слов одной лексико-семантической группы. Например:

мать — соседка (различительная сема «родственник»);
мать — отец (----- » ----- «женский пол»);
мать — дочь (----- » ----- «старшее поколение»);
мать — тетя (----- » ----- «прямое родство»);
мать — мачеха (----- » ----- «кровное родство»).

Таким образом, лексическое значение «мать» можно представить в виде комбинации следующих сем: «родственник» + «женский пол» + «старшее поколение» + «прямое родство» + «кровное родство».

Различают несколько типов сем. Прежде всего выделяют родовые и видовые семы¹⁵. Например, слова *рысь* и *кошка* объединены родовой семой «животное» и противопоставлены видовыми семами «дикое» и «домашнее»; слова *кровать* и *стул* объединены родовой семой «мебель» и противопоставлены видовыми семами «для лежания» и «для сидения»; слова *подняться* и *спуститься* объединены родовой семой «изменить положение в пространстве» и противопоставлены видовыми семами «вверх» и «вниз».

Французские лингвисты Потье и Греймас назвали родовые семы классемами. Классема (как явствует из морфемной структуры термина) — это сема, охватывающая целый класс слов. К классемам относятся такие родовые семы, как: «одушевленность/неодушевленность», «человеческое существо / животное», «мужской пол / женский пол», «взрослая особь / молодая особь», «материальность / нематериальность», «счисляемость / несчисляемость», «действие / состояние», «переходность / непереходность действия» и т. д. «Нетрудно заметить, — пишет В. Г. Гак, — что эти классеммы соответствуют преимущественно крупным группировкам внутри частей речи, так называемым «подклассам» слов...» (Гак, 1972, 375).

Семы делятся также на ядерные (главные) и периферийные (второстепенные)¹⁶. Ядерные семы (в соответствии с названием) отражают постоянные и обязательные признаки предмета, периферийные — непостоянные и необязательные признаки. Например, в значении слова *мальчик* семы «лицо», «мужской пол» и «невзрослая особь» являются ядерными, а семы «физически слабый» и «не

15 К понятиям родовых и видовых сем близки понятия интегральных и дифференциальных сем. Интегральной называют сему, объединяющую слова той или иной лексико-семантической группы, дифференциальными — семы, различающие те или иные слова. В зависимости от уровня анализа одна и та же сема может выступать то как интегральная, то как дифференциальная. Например, сема движения для глаголов *идти*, *плыть*, *ехать* является интегральной (объединяющей, общей), а для глаголов *стоять* и *идти* — дифференциальной (различительной).

16 М. В. Никитин называет ядерные семы интенционалом, периферийные — импликационалом (см.: Никитин, 1988. 61).

способный принимать ответственные решения» — периферийными; в значении слова *баскетболист* семы «спортсмен» и «играющий в баскетбол» являются ядерными, а сема «высокий» — периферийной; в значении слова *тяжелоатлет* семы «спортсмен» и «занимающийся тяжелой атлетикой» являются ядерными, а семы «сильный» и «мускулистый» — периферийными. В словарных толкованиях периферийные семы обычно не фиксируются. Однако их роль в процессе метафоризации слова весьма велика.

В значении некоторых слов обнаруживаются т. н. потенциальные (или ассоциативные) семы. Потенциальная сема отражает такой признак предмета, который приписывается ему общественным сознанием. Например, общественное сознание русского народа приписывает лисе признак хитрости, а волку — признак глупости. В связи с этим в значение слова *лиса* входит потенциальная сема «хитрость», а в значение слова *волк* — потенциальная сема «глупость».

В связи с понятиями периферийных и потенциальных сем встает вопрос об объеме значения слова. В современной семасиологии «определилось два основных подхода к лексическому значению — дифференциальный и интегральный» (Стернин, 1986, 6). Сторонники первого — традиционного — подхода стремятся представить значение как совокупность минимального числа дифференциальных сем, достаточных для отличия данного значения от всех других значений языка. Сторонники интегральной концепции (например, И. А. Стернин) считают необходимым описывать значение как совокупность максимального числа «семантических компонентов разной степени существенности и дифференциальной силы» (Стернин, 1986, 6). В то же время, замечает И. А. Стернин, дать исчерпывающий перечень компонентов невозможно, в связи с чем приходится говорить о размытости значения (Стернин, 1986, 7).

Критикуя интегральную концепцию значения, Л. М. Васильев замечает, что она растворяет языковое значение «в необъятном море других знаний о предмете... и ведет, следовательно, к произволу, к совершенно не оправданному субъективизму в семантических исследованиях. Иными словами, такая концепция «системного» значения полностью стирает намеченные еще А. А. Потебней границы между языковым и «внеязычным» мыслительным содержанием» (Васильев, 1988, 11). Л. М. Васильев напоминает, что в речевой смысл слова часто «вовлекаются (с помощью ситуации и контекста) коммуникативно значимые компоненты тех наших знаний о предмете, которые в их содержание как системных единиц не входят. Так, например, в высказывании *Вот это мужчина!* актуализируется не только все содержание слова *мужчина*, его языковое значение «взрослый человек мужского пола», но и все наши знания, все наши представления о лучших качествах мужчины —

о тех качествах, которыми можно восхищаться» (Васильев, 1988, 12).

Компонентный анализ позволяет лексикологу более точно описывать значение слова в языке и речи. Значение нарицательного имени в языке всегда имеет обобщающий характер (т. е. направлено на целый класс однородных предметов), значение слова в речи может конкретизироваться, т. е. быть направлено на отдельный, конкретный предмет. Кроме того, значение слова в речи может отличаться от значения слова в языке актуализацией, подчеркиванием одной из сем. Например, в семантическую структуру слова *бабушка* входят две семы — ядерная сема «мать одного из родителей» и периферийная сема «пожилая (старая) женщина». В конкретных высказываниях актуализируется то первая, то вторая сема. Например: 1) «Девочку до 12 лет воспитывала бабушка» и 2) «Она уже совсем бабушка»¹⁷.

Компонентный анализ позволяет более точно описать механизм семантического согласования слов.

В то же время следует отметить, что, по мнению ряда лингвистов (см., напр.: Васильев, 1984), компонентный анализ не лишен недостатков и требует дальнейшей проверки.

Вопросы для самопроверки

1. Какие две основные концепции значения представлены в современной лингвистической литературе?
2. Охарактеризуйте структуральную (релятивистскую) концепцию значения.
3. Охарактеризуйте отражательную (субстанциональную) концепцию значения.
4. Каковы взаимоотношения значения и понятия?
5. Охарактеризуйте значение собственных имен.
6. Что такое компонентный анализ значения?

2. МНОГОЗНАЧНОСТЬ СЛОВ

Что такое многозначность (полисемия)?

В литературе встречаются два определения многозначности: 1) Многозначность — это способность слов иметь несколько значений¹⁸; 2) Многозначность — это наличие у слова нескольких значений¹⁹. Какое же определение многозначности следует принять?

¹⁷ Кроме актуализации семы, к числу «механизмов коммуникатизации слова» И. А. Стернин относит «усиление семы, ослабление семы, расщепление семы, двойную актуализацию семы, модификацию значимости семы, наведение семы» (Стернин, 1986, 10).

¹⁸ См., напр.: Галкина-Федорук, 1957, 18; Фомина, 1983, 37; Гольцова, 1988, 11.

¹⁹ Задорожный, 1971, 28; Калинин, 1979, 10.

В первом определении имеет место смешение категорий возможности и действительности. Если считать многозначностью способность слова иметь (получать, приобретать) несколько значений, то к числу многозначных придется отнести и однозначные слова, поскольку они тоже имеют возможность стать многозначными. Например, слово *майор* в современном русском языке имеет одно значение. Следовательно, мы должны считать его однозначным. С другой стороны, поскольку это слово способно приобрести другое (другие) значение, его следовало бы считать многозначным, с чем, видимо, не согласится никто. Таким образом, под полисемией (многозначностью) нужно понимать наличие у слова нескольких значений.

Число значений у многозначных слов колеблется от 2 до 25 и более. Например, слово *каша* имеет два значения, *назначение* — три, *мягкий* — восемь, *фигура* — одиннадцать, *брат* — тринадцать, *идти* — двадцать пять, а предлог *на* — тридцать четыре значения (22 — при употреблении с винительным и 12 — при употреблении с предложным падежом)²⁰. Большая часть многозначных слов — это слова с 2—4 значениями (см.: Лупачева, 1988, 19).

Полисемия свойственна преобладающей части русских слов²¹. К ней особенно склонны слова исконно русские и длительного употребления (*вода, голова, дом, дуть* и др.). Напротив, слова заимствованные и имеющие в русском языке несложную судьбу чаще всего бывают однозначными (*ректор, декан, лейтенант, компетенция, кредо* и др.). Если же заимствованное слово давно освоено и находится в активном словаре, то оно тоже может легко развить несколько значений. Например: *агент* (1. страховой агент, 2. агент буржуазии, 3. иностранный агент, шпион), *академический* (1. академическое издание, 2. академический час, 3. академическая живопись, 4. академический спор, 5. академический театр), *комедия* (1. сатирическая комедия, 2. Комедия случилась, 3. Ясно, что это просто комедия) и т. п.

Не склонны к многозначности эмоционально насыщенные, экспрессивные слова: *мерзавец, остопоп, дурень, увалень, пентюх, шельма, нализаться, натрескаться, слямзить, окопачить, втюриться* и др. под.

Разные части речи обладают неодинаковым семантическим диапазоном. Особенно склонны к многозначности глаголы и существительные. Вспомним хотя бы уже упоминавшийся глагол *идти* с его 25 значениями. Не беден значениями глагол *принять*: их у него 16.

²⁰ Вопрос о числе значений нередко бывает очень сложным и по-разному решается составителями словарей. То, что одни лексикографы определяют как оттенок значения, другие считают самостоятельным значением.

²¹ Среди непроемных существительных современного русского языка многозначные слова составляют 85% (Лупачева, 1976, 63).

У глагола *найти* — 12 значений, у существительного *фигура* — 11, у существительного *крыло* — 8.

Неодинаковую склонность к развитию многозначности обнаруживают слова разных лексико-грамматических разрядов. Например, среди многозначных существительных мало абстрактных и вообще нет собственных имен, что связано с характером их значений и с природой денотатов.

«Полисемия, — говорит В. И. Абаев, — имеет огромное познавательное значение. В полисемии отражается практика и мышление народа. Некоторые словарные статьи с богатой полисемией читаешь просто ради удовольствия, столько в них интересного и поучительного. Чудесный дар обобщения, причудливые изгибы мысли, искрометные ассоциации, яркие метафоры, образность, остроумие, — чего только не найдешь, когда внимательно изучаешь лексическую полисемию какого-либо языка» (Абаев, 1960, 73).

Чрезвычайно велика стилистическая роль полисемии. Полисемия необычайно расширяет выразительные возможности языка, в частности языка писателя.

Явление многозначности свойственно, очевидно, всем человеческим языкам. «...Способность слова к многозначности ... может рассматриваться как главный семасиологический закон в языковом развитии» (Дегтярева, 1961, 3). «...Лексическая полисемия слова является естественным состоянием языка, словесным выражением отражаемой нашим сознанием окружающей действительности...» (Тышлер, 1967, 193).

Многозначность слова обусловлена прежде всего особенностями человеческого мышления — его способностью обнаруживать черты сходства между предметами и явлениями окружающего мира. Название одного класса предметов человек переносит на другой, в чем-либо сходный с первым. Такой перенос может происходить дважды, трижды и т. д. Так в слове появляется несколько значений, параллельно или последовательно связанных друг с другом. В многозначности слова отражены результаты обобщающей работы человеческого мышления. Чем более развита в языке полисемия, тем лучше он может передать все оттенки человеческой мысли. Многозначность делает слово более гибким орудием мышления. Многозначное слово указывает на связь выражаемых словом понятий и соответствующих предметов объективной действительности. Например, одно дело — сказать о женщине *красавица* и другое — *королева*: второе слово семантически богаче первого, поскольку вызывает ассоциации с государыней и женой короля.

Отдельные лингвисты не без основания видят в многозначности проявление принципа экономии языковых средств, поскольку многозначность позволяет выразить большее количество понятий без расширения числа языковых форм (см.: Мартине, 1963, 532—538; Кукушкина, 1967, 230).

В то же время нет оснований считать, будто бы многозначность обусловлена ограниченными конструктивными (техническими) возможностями человеческого языка (см.: Виноградов, 1947, 15). «Дело... не в пресловутой бедности языка» (Тышлер, 1967, 179). Многие языки в образовании новых слов «не реализовали свои возможности даже в пределах 1%» (Тышлер, 1967, 178). Так, немецкий язык, располагающий 43 фонемами, может образовать 145 млн. слов только допяtifонемного состава. Еще больше возможности английского языка, имеющего 44 фонемы. Однако Вебстерский словарь в США насчитывает всего 600 тыс. слов, т. е. возможности английского языка реализованы менее чем на один процент.

Точно так же нельзя ссылаться на ограниченные возможности человеческой памяти. «Наименование каждого предмета, явления особым словом, — пишет Р. В. Сосина, — привело бы к появлению в языке бесчисленного множества слов, которого не могла бы удержать никакая человеческая память» (Сосина, 1962, 180). Однако если человеческая память легко удерживает десятки тысяч значений, то почему она должна спасовать перед аналогичным числом наименований (звучаний)?

Каким же образом возникает многозначность? Говоря вообще, она возникает в результате переноса наименования с одного предмета на другой. Перенос же наименования может опираться на разные признаки, на разные основания. Выделяются три основных типа переноса наименований — метафорический, метонимический и синекдохический. Метафорический перенос — это перенос наименований по сходству предметов (*рукав реки, золото осени, оттепель в политике*); метонимический перенос — это перенос наименований по смежности предметов (*класс, аудитория, бронза*); синекдохический перенос — это перенос наименований с части на целое и с целого на часть (*в стаде шестьсот голов, своя рука в министерстве*). В рамках одного многозначного слова могут сосуществовать в качестве его самостоятельных значений метафора, метонимия и синекдоха. Например: *язык во рту* — основное (производящее) значение, *язык* = «речь» — метонимия, *язык пламени* — метафора, а *взять языка* — синекдоха.

Есть ли основания относить к способам переноса наименований процессы расширения и сужения значений (например, *комната* (лат. *caminata* вначале = «помещение с камином», позднее — «любое жилое помещение»; *пиво* вначале — «всякий алкогольный напиток», теперь — «напиток из ячменного солода с небольшим содержанием алкоголя»; *квас* первоначально = «всякая кислота», теперь = «кисловатый напиток, приготовленный на воде из ржаного хлеба или из ржаной муки с солодом»)? Легко понять, что расширение и сужение значения, меняющие объем значения (понятия), но не приводящие к появлению нового, второго значения,

не дают многозначности. Слово в этом случае остается однозначным.

Самостоятельной лексикологической и лексикографической проблемой является проблема разграничения значений.

В одних случаях членение семантического пространства слова на отдельные значения не вызывает затруднений и разногласий, поскольку соответствующая граница четко определяется самой внеязыковой действительностью. К таким случаям относится, например, слово *клоп*: 1) «мелкое паразитическое кровососущее насекомое» и 2) перен. шутол. «маленький ребенок, малыш».

В других случаях членение семантического пространства слова на отдельные значения вызывает затруднения и разногласия, поскольку искомая граница не является достаточно ясной в самой внеязыковой действительности. Например, толковые словари выделяют в слове *дядя* два значения: 1) «брат отца или матери» и 2) «муж тетки». По мнению же С. Д. Кацнельсона, слово *дядя* имеет другое значение — «близкий не прямой родственник из поколения родителей, без различия отношений родства и свойства» (Кацнельсон, 1965, 42)²².

Известно, что в лексикографической практике, кроме значений, принято выделять еще оттенки значений. Оттенок значения понимается как разновидность значения, не обладающая достаточной самостоятельностью. Например: *автомат* — 1) «аппарат (машина, прибор), производящий работу с помощью особого механизма без непосредственного участия человека... // О человеке, действующем бессознательно, машинально, безучастно...» (Словарь, 1, 9); *актер* — «профессиональный исполнитель ролей в театральных представлениях... // ...О человеке, показывающем себя не таким, каков он есть на самом деле; о притворщике...» (Словарь, 1, 19). Выделение в словарях значений и оттенков значений тоже носит субъективный характер. Так, «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, сформулировав первое значение слова *акт* («единичное действие, отдельное проявление какой-либо деятельности»), отмечает оттенок этого значения — «поступок, проявление в действии» (например, террористический акт, акт безумия). «Словарь русского языка» АН СССР справедливо отказывается от выделения этого оттенка, поскольку он фактически растворяется в значении. «Словарь русского языка» АН СССР в слове *анекдот* выделяет два значения: 1) «короткий рассказ о смешном, забавном или любопытном происшествии» и 2) «происшествие, событие необычного характера». «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова второе значение рассматривает как оттенок первого.

²² См. также: Кузнецова, 1982, 103.

Такого рода колебания лексикографов в определении значений, их количества и оттенков объясняются не только отсутствием надежной методики, но и известной размытостью границ между денотатами и соответствующими значениями слова. Такого рода размытость границ можно обнаружить при анализе слова *густеть*:

- 1) «становиться густым (антоним — редким)» (*Трава густеет*);
- 2) «становиться густым, менее жидким» (*Каша густеет*);
- 3) «становиться густым, более плотным» (*Туман густеет*)²³.

В таких случаях иногда говорят о «диффузности» значений (Шмелев, 1973, 93).

Некоторые языковеды (например, Р. О. Якобсон и В. А. Звегинцев) пользуются понятием «общего значения». Они считают, что все значения многозначного слова можно свести к одному — «общему». Эксперименты, однако, показывают, что в большинстве случаев это невозможно. Например, слово *свинья* имеет в современном русском языке следующие значения: 1) «животное», 2) «грязный, неопрятный человек» и 3) «грубый, низменный человек». Если попытаться свести эти значения к одному «общему», то мы получим некое «сверхпонятие», «понятие-монстр» (Кацнельсон, 1965, 49), — «человеко-свинью». На самом деле ни такой денотат, ни такое понятие не существуют. Слово *свинья* выражает три самостоятельных понятия, хотя и связанных друг с другом тем или иным общим компонентом (например, 1-е и 2-е значения связаны семой «нечистоплотность»).

Значения многозначного слова могут образовывать 3 типа комбинаций (структур) — 1) радиальную, 2) цепочечную и 3) радиально-цепочечную (см.: Кацнельсон, 1965, 58—59; Апресян, 1974, 182—183). При радиальной полисемии все значения слова произведены от одного, центрального; при цепочечной полисемии 2-е значение произведено от 1-го, 3-е от 2-го и т. д.; радиально-цепочечная полисемия совмещает в себе обе структуры.

Пример радиальной полисемии — структура значений слова *верх*: 1) «верхняя часть чего-нибудь», 2) «наружная сторона одежды», 3) «высшая степень, крайний предел чего-нибудь» (верх совершенства), 4) «превосходство в чем-нибудь» (одержать верх).

Пример цепочечной полисемии — структура значений слова *залежь*: 1) «месторождение полезных ископаемых», 2) «скопление чего-либо», 3) «неходкий, залежавшийся товар; заваль», 4) «не распахиваемый, не обрабатываемый несколько лет подряд участок пашни».

Пример радиально-цепочечной полисемии — структура значений слова *вступить*: 1) «войти» (вступить в крепость); 2) «на что. Ступить, поднимаясь» (вступить на лестницу); 3) «стать членом, деяте-

²³ См.: Словарь, 1, 481.

лем, участником чего-нибудь» (вступить в партию); 4) «начать делать что-нибудь или стать чем-нибудь» (вступить в должность, вступить в брак).

Рассмотренные разновидности полисемии не находят отражения в толковых словарях. Нумерация значений многозначного слова указывает на количество значений, но не на их взаимоотношения.

Многозначность — это явление языка. В речи многозначность снимается, т. е. слово используется не во всех, а лишь в одном своем значении. «...В синтагматике одна единица формы соответствует одной единице смысла...» (Щетинкин, 1980, 5). Это общее правило построения высказывания. Отступления от этого правила порождают двусмысленность, т. е. лексические (семантические) ошибки. Например: «Билет годен для помывки одного *лица*» (объявление). Кроме того, в речи может иметь место сознательное отступление от этого правила — словесная игра (каламбур), которая строится на столкновении двух разных значений одного слова, на соотнесении данного слова с двумя разными денотатами. Например: «Ах вы, разбойник, ах, злодей, ну как вы поживаете? Вы *раздеваете* людей, когда их одеваете» (Маршак).

Явлению полисемии принято противопоставлять явление омонимии — формального (звукового) совпадения двух совершенно разных по значению слов (*брак*¹ — *брак*², *патрон*¹ — *патрон*², *шайка*¹ — *шайка*² и под.). Если значения многозначного слова находятся в отношениях непосредственной производности (лиса 1 → лиса 2), то у значений омонимов нет никаких точек соприкосновения (*патрон*¹ — *патрон*²).

В последние годы отдельные лингвисты (И. С. Торопцев, В. М. Марков, В. В. Колесов, В. Г. Руделев) делают попытки ревизовать понятие полисемии. Вслед за А. А. Потебней²⁴ они утверждают, что каждое новое значение слова — это новое слово, а не «некий лексико-семантический вариант» (Марков, 1984, 5; см. также: Торопцев, 1985, 113.). «...Приспосабливаясь к конкретной ситуации, — пишет И. С. Торопцев, — люди образуют новые знаки, полностью совпадающие по звуковой стороне и соотносительные по семантике с ранее известными знаками» (Торопцев, 1985, 115). Многозначное слово, полагает И. С. Торопцев, — это не одно слово, а «группа родственных слов с одинаковой звуковой оболочкой» (Торопцев, 1985, 116), слов, «находящихся в словопроизводственных отношениях. Такая группа образует своеобразное гнездо слов или гнездо в более обширном гнезде...» (Торопцев, 1985, 117). Между этими словами имеют место «омонимойдные» отношения (Торопцев, 1985, 116).

24 Ж. П. Соколовская в статье «Проблема многозначности в лингвистической концепции А. А. Потебни» (Филол. науки. 1989. № 2. С. 46—52) высказала мнение о том, что А. А. Потебня отрицал многозначность слова в речи, но признавал ее в языке.

Убеждают ли эти высказывания? Нет, не убеждают.

Во всех языках мира существует явление равноименности, т. е. случаи типа 1) *заяц 1* и *заяц 2* и 2) *патрон*¹ и *патрон*². Единицы первого и второго типов совпадают по звуковой форме и различаются своим содержанием (лексическим значением). В этом их сходство. С другой стороны, если лексические значения единиц типа *заяц 1* — *заяц 2* являются родственными, имеют общую, совпадающую часть (семы или сему)²⁵, то лексические значения, единиц типа *патрон*¹ — *патрон*² не имеют никаких точек соприкосновения, являются совершенно различными. Если единицы типа *заяц 1* — *заяц 2* называют предметы, имеющие черты сходства, то единицы типа *патрон*¹ — *патрон*² называют предметы, ничем не сходные друг с другом. В этом состоит их различие. Отсюда с необходимостью следует, что случаи первого и второго типа должны быть разграничены на понятийном и терминологическом уровнях. Случаи первого типа принято называть многозначностью (полисемией), случаи второго типа — омонимией. Важнейшей частью слова является его лексическое значение. Поэтому случаи типа *патрон*¹ — *патрон*² считают разными словами, а случаи типа *заяц 1* — *заяц 2* — вариантами (лексико-семантическими вариантами, значениями, лексами) одного слова (одной лексемы). Если лингвист отказывается от понятия полисемии, то он автоматически отказывается от соотносительного (парного, противопоставленного) понятия омонимии, т. е. отказывается от различия в чем-то сходных, а в чем-то различных явлений. Элиминирование (устранение) понятия полисемии означает также элиминирование понятий метафорический перенос, метонимический перенос, синекдохический перенос (метафора, метонимия, синекдоха) и др. под., т. е. вопиющее обеднение семасиологической проблематики, искажение наших представлений о языковой семантике.

В парах типа *заяц 1* — *заяц 2* И. С. Торопцев усматривает «омонимойдные» отношения. Но констатация «омонимойдных» отношений означает признание понятия и явления омонимии и соотносительного с ним понятия и явления полисемии. Гони природу в дверь — она влетит в окно.

Как известно, в многозначности закреплены результаты работы человеческого мышления, обнаруживающего и фиксирующего в многозначном слове черты сходства между различными предметами и явлениями объективной действительности. «Перевод» многозначности в омонимию резко искажает языковую картину мира.

Каждое новое значение слова И. С. Торопцев и другие называют новым знаком. Но если новая лексическая единица заимствует звуковую оболочку у какого-либо уже существующего знака и час-

²⁵ Что признают и противники полисемии. См., напр.: Торопцев, 1985, 115.

точно совпадает с ним по содержанию (лексическому значению), то можно ли говорить о появлении совершенно нового, особого языкового знака? Не естественнее ли считать, что перед нами — новый лексико-семантический (точнее, семантический) вариант старого знака? Этот подход хорошо соответствует идее асимметричного дуализма языкового знака (С. Карцевский), лингвистической интуиции носителей языка, легко может быть подтвержден экспериментально.

Если в случаях типа *заяц 1* — *заяц 2* мы имеем дело с разными знаками, то чем объяснить, что носители языка десятки и сотни тысяч раз дублируют уже существующие (использованные, занятые) звуковые комплексы, а не создают новые? Ведь последнее было бы гораздо естественнее: новый языковой знак должен иметь не только особое значение, но и особую звуковую форму. Сплошная омонимия создавала бы в процессе речевого общения непреодолимые трудности.

И. С. Торопцев, В. М. Марков и другие подчеркивают, что при образовании нового значения слова появляется новая номинативная единица. Это правильно, но это нисколько не противоречит понятию полисемии: многозначное слово в разных своих значениях называет разные денотаты. Например, *заяц 1* называет известного лесного зверька, а *заяц 2* — трусливого человека. Номинативный потенциал двузначного слова совпадает с номинативным потенциалом двух самостоятельных слов (*заяц 1* и *заяц 2* = *стол* и *стул* = *патрон*¹ и *патрон*²).

Отрицание полисемии — это отрицание системности лексики: ведь многозначное слово — это семантическая микросистема.

И. С. Торопцев выступает против различения значения и его оттенка, значения и употребления (см.: Торопцев, 1985, 114). Но из этого следует, что всякое новое употребление слова, малейший сдвиг в его значении порождает новое, особое слово. При таком подходе число единиц языка будет уходить в бесконечность. Однако язык, состоящий из бесконечно большого числа знаков, невозможен.

Точка зрения противников полисемии противоречит современным философским представлениям о переходе количества в качество. Переходу вещи из одного качества в другое предшествует длительный период накопления мелких количественных изменений. Эта закономерность распространяется и на семантическое качество слова.

Более чем нестандартный взгляд на полисемию высказывает В. В. Колесов в статье под причудливым названием «Исторические основания многозначности слова и лингвистические средства ее устранения». В. В. Колесов утверждает, что в древнем языке (в любом или русском?; что вообще значит «в древнем»?) существовали «слова-синкреты», которые «не имели многозначности» (Колесов,

1984₁, 18). «...Как осознанный культурой (? — Ю. Ф.) факт многозначность развилась у восточных славян к исходу XIV в.» (Колесов, 1984₁ 19) (! — Ю. Ф.). В это время возникают «синонимичные ряды, которых до того фактически не было...» (Колесов, 1984₁, 19). «Синонимия же материально воплощает идею многозначности (? — Ю. Ф.), дотоле скрытую в недрах отдельного слова...» (Колесов, 1984₁, 19) (? — Ю. Ф.). «Многозначность слова в средние века (? — Ю. Ф.) поразительна, поскольку слово стало (? — Ю. Ф.) орудием вербального мышления...» (Колесов, 1984₁, 21). «В языковой культуре Нового времени многозначность становится избыточным свойством лексемы (? — Ю. Ф.), более того — она создает непреодолимые трудности в дальнейшем развитии языка как средства познания и общения» (Колесов, 1984₁, 23) (? — Ю. Ф.). «Многозначность слова в современном словаре — факт прошлого (? — Ю. Ф.), мы вынуждены ее фиксировать (? — Ю. Ф.) постольку, поскольку говорим о литературном языке, имеющем традицию. Однако несомненно, что в будущем такая (? — Ю. Ф.) многозначность будет все более представляться (? — Ю. Ф.) анахронизмом. Какое значение этот факт (какой? — Ю. Ф.) имеет для художественного творчества — страшно и подумать» (Колесов, 1984₁, 27), — заключает В. В. Колесов.

«Многозначность ... слов современного языка, — пишет В. В. Колесов в другой работе — «Словарная многозначительность многозначности слова», — фикция...» (Колесов, 1984₂: 56) (? — Ю. Ф.). «Проблема многозначности слова несомненно является чисто лексикографической и никакого отношения к слову, к его семантике, к его истории не имеет» (Колесов, 1984₂, 45).

Почти каждая фраза статей В. В. Колесова о полисемии вызывает недоуменные вопросы. Как доказать, что в разные периоды своего существования язык по-разному относится к полисемии? Как доказать, что в древнем языке полисемии не было, что к XIV в. она развилась, а уже «начало XV в. с его стилем «извития словес» есть болевая точка ... перехода от средневековой (? — Ю. Ф.) многозначности слова к характерной для новых литературных языков синонимии» (Колесов, 1984₁, 20) (? — Ю. Ф.)? Почему именно XV в. стал этой «болевым точкой»? Кто доказал, что многозначность слов современного языка — «фикция»? Как можно утверждать, что проблема многозначности является чисто лексикографической? Как можно утверждать, что словари безразличны к реальному положению вещей в языке и моделируют словарь, как им заблагорассудится? Почему полисемия интерпретируется то как факт языка, то как способ его теоретического представления? Иначе говоря, почему допускается смешение онтологии и гносеологии?

Итак, полисемия (многозначность) — это наличие у слова не-

скольких значений²⁶. Полисемия — важнейшая семантическая особенность естественного языка.

Вопросы для самопроверки

1. Что такое полисемия?
2. Чем полисемия отличается от омонимии?
3. Какие слова языка тяготеют к многозначности?
4. Чем обусловлена многозначность?
5. Назовите типы переносов наименований.
6. Какие структуры могут образовывать значения многозначного слова?

3. ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ

Слова могут различаться и различаются не только числом (количеством) лексических значений, но и их типами (качеством).

Все лексические значения русского языка можно разделить на *две обширные группы*, и это разграничение опирается на наличие у значений абсолютных и относительных свойств.

Абсолютными свойствами словесного значения являются такие свойства, которые не зависят от отношений данного значения с другими значениями, от его места в системе, а определяются внеязыковой действительностью. Абсолютный характер имеют, например, такие свойства лексического значения, как конкретность и абстрактность. Конкретность значения «дом» («жилище человека») определяется не вхождением в какую-либо оппозицию, а конкретностью предмета, отражаемого этим значением.

Относительными (релятивными) свойствами лексического значения являются такие свойства, которые целиком определяются его взаимоотношениями с другими значениями, его местом в системе, его «членством» в той или иной оппозиции. Относительный (релятивный) характер имеют, например, главные и второстепенные значения, поскольку они предполагают друг друга и невозможны друг без друга; относительный (релятивный) характер имеет переносное значение, поскольку оно существует лишь в оппозиции прямому.

Абсолютными свойствами обладают следующие *типы значений*: номинативные — неноминативные, конкретные — абстрактные, терминологические — нетерминологические, нейтральные — эмоциональные, межстилевые — стилистически окрашенные, актуальные —

²⁶ Слово, взятое в единстве всех его значений (и форм), называют лексемой; слово, взятое в одном из его значений, называют лексико-семантическим вариантом (ЛСВ) или лексой.

неактуальные, литературные — областные. Относительными свойствами обладают следующие типы значений: производящие — производные, главные — второстепенные, прямые — переносные, мотивирующие — мотивированные, синонимичные и антонимичные, а также, по-видимому, свободные и связанные²⁷.

Значения, обладающие относительными свойствами, входят в интралексические (внутрисловные) и интерлексические (межсловные) оппозиции. В интралексические оппозиции входят производящие и производные, главные и второстепенные, прямые и переносные значения; в интерлексические оппозиции входят мотивирующие и мотивированные, синонимичные и антонимичные значения²⁸.

Чтобы четко представить себе природу номинативных и неноминативных значений, проще всего обратиться к конкретным примерам. Пусть это будут слова *радость* и *о*! Предметная отнесенность этих слов одинаковая — эмоция радости, но характер значения разный. Слово *радость* есть название этого чувства, слово же *о* есть только его симптом, его сигнал. Слово *радость* выражает понятие о чувстве радости, слово *о* — само это чувство²⁹. Слово *радость* выполняет номинативную функцию, слово *о* — сигнальную. Таким образом, номинативные и неноминативные значения выделяются и противопоставляются с точки зрения наличия или отсутствия номинации в слове. Номинативные значения свойственны всем знаменательным словам, неноминативные значения — местоимениям, модальным словам, предлогам, союзам, частицам и междометиям. Излишне говорить, что в языке полностью преобладают номинативные значения.

Неноминативные значения, в свою очередь, делятся на дейктические (указательные), модальные, комбинационные и сигнальные. Дейктические значения — это значения местоимений, т. е. слов, не называющих предметы, признаки и количества, а указывающих на них. Модальные значения свойственны модальным словам, т. е. словам, выражающим модальность (отношение содержания предложения к действительности с точки зрения говорящего). Комбинационные значения (см.: Джемакулова, 1980, 35) — это значения предлогов и союзов, выражающих отношения между словами и — далее — отражаемыми ими предметами. Сигнальные значения — это значения междометий. Неясен тип значения частиц.

Лексическое значение, являющееся отражением конкретного предмета, называется *конкретным*; лексическое значение, являюще-

27 Диахроническая семасиология оперирует еще понятиями и терминами *этимологические значения* — *современные значения, первичные (исходные)* — *вторичные значения*.

²⁸ В виде исключения антонимичные значения могут находиться в рамках одного слова (энантиосемия).

²⁹ Или представление о чувстве (см.: Торопцев, 1985, 109).

еся отражением абстрактного явления, называется *абстрактным*. Ср.: *клубок ниток* и *клубок противоречий*.

В качестве способа определения и разграничения конкретных и абстрактных значений может быть предложена проверка денотатов на уровне чувственного и рационального восприятия. Денотаты *конкретных* значений являются объектами по преимуществу чувственного, денотаты *абстрактных* значений — объектами по преимуществу рационального восприятия. Ср.: *человек* — *человечность*.

Строго очерченное значение, совпадающее с научным понятием, называется *терминологическим*. Терминологическому значению противопоставляется значение общее (*нетерминологическое*), совпадающее с бытовым понятием. Например, слово *интоксикация* («отравление организма ядовитыми веществами», мед.) имеет терминологическое значение, слово *задира* («забияка») — нетерминологическое.

Между терминологическими и нетерминологическими значениями нет строго определенной пограничной полосы. Критерий их разграничения — совпадение или несовпадение с научным понятием — недостаточно надежен. В связи с этим вместо оппозиции *терминологическое значение* — *нетерминологическое значение* нередко используют оппозицию *специальное значение* — *неспециальное значение* (или: *профессионально ограниченное значение* — *профессионально не ограниченное значение*). Выделение этих типов имеет вполне надежную базу — закрепленность слова в данном значении за той или иной профессиональной сферой или отсутствие такой закрепленности. Профессиональная же закрепленность, специализация значения свидетельствует о его терминологичности, а отсутствие такой закрепленности — о нетерминологическом характере значения. Например: *вилка* — 1) «столовый прибор», 2) «штепсельная вилка» (тех.), 3) «совокупность двух прицелов» (воен.), 4) «особое положение в шахматной игре, когда одна фигура угрожает одновременно двум или нескольким» (шахм.).

Слова, в содержание которых входит эмоциональный (эмоционально-оценочный) компонент, называются *эмоциональными*. Слова, в содержание которых эмоциональный компонент не входит, называются *нейтральными*. Этими же терминами называют и значения слов. Нейтральные и эмоциональные значения могут входить в структуру одного многозначного слова. Например, у слова *кулачок* значение «деталь механизма» является нейтральным, а значение «маленький кулак» — эмоциональным; у слова, *мушка* значение «маленькая муха» является эмоциональным, а значения «приспособление для прицеливания» и «искусственная родинка» — нейтральными.

С точки зрения закрепленности значения (точнее, слова в том или ином значении) за тем или иным стилем и отсутствия такой закрепленности выделяются, разграничиваются и противопостав-

ляются значения стилистически ограниченные и межстилевые (стилистически не ограниченные, не окрашенные). *Межстилевые* значения употребляются во всех стилях языка, а *стилистически ограниченные* — в каком-либо одном (или, во всяком случае, не во всех). Например, у слова *киснуть* значение «делаться кислым, портиться от брожения» является межстилевым, а значение «проводить время в бездействии, скучая и ноя» — стилистически ограниченным (разговорным).

Лексические значения, актуальные для современной семантической системы языка, находящиеся в его активном фонде, называются *актуальными* (современными); значения, находящиеся в пассивном фонде языка, называются *неактуальными*. Среди неактуальных значений выделяются значения устаревшие и неологические. Например, у слова *магазин* значение «торговое предприятие» является актуальным, а значение «склад» — неактуальным (устаревшим); у слова *застрельщик* значение «тот, кому принадлежит почин в каком-либо деле; зачинатель» является актуальным, а значение «солдат в рассыпном строю, который первым встречался с противником» — неактуальным (устаревшим).

Значения, принадлежащие литературному языку, называются *литературными*; значения, принадлежащие областным говорам, называются *областными*. Например, у слова *калач* значение «пшеничный хлебец, выпеченный в форме замка с дужкой» является литературным, а значение «белый пшеничный хлеб вообще» — областным.

В оппозиции областным значениям могут находиться не только литературные, но и — шире — общенародные значения. Например, у слова *дуля* значение «куиш, шиш» является общенародным, а значение «сорт груш» — областным.

Вместо терминов *общенародные* и *областные значения* можно пользоваться терминами *территориально не ограниченные* и *территориально ограниченные значения*.

В структуре значений многозначного слова выделяются *производящие* и *производные значения*. Производящее значение — это значение, от которого произведено другое — производное. Рассмотрим для примера семантическую структуру слова *окраска*. Она представлена 3 значениями: 1) «действие по глаголу окрасить — окрашивать», 2) «цвет, оттенок цвета» и 3) «особый смысл, характер, оттенок»; 1-е значение является производящим по отношению ко 2-му — производному; 2-е значение является производящим по отношению к 3-му — производному. Само же 1-е значение не имеет себе предшественника в семантической структуре слова *окраска* и называется *непроизводным*.

Изредка встречаются многозначные слова, в которых — с синхронной точки зрения — невозможно выделить производящее и про-

изводное (-ые) значения. Таково, например, слово *огневка*, имеющее значения «бабочка» и «лисица». В пределах одного слова эти значения удерживаются благодаря наличию общего признака, отраженного в слове *огневой*.

Если слово имеет несколько значений, то одно из них является *главным*, а другие — *второстепенными*. Главное значение — наиболее частотное. Оно «обычно первым приходит нам на ум, когда нас спрашивают о значении какого-либо слова»³⁰. Например, у глагола *лететь*, имеющего 5 значений, значение «перемещаться по воздуху с помощью крыльев» является главным, а значение «падать» — второстепенным; у существительного *ножницы*, имеющего 3 значения, значение «инструмент для резания, стрижки, состоящий из двух крест-накрест соединенных лезвий с ручками в виде колец» является главным, а значение «расхождение, несоответствие чего-либо чему-либо» — второстепенным.

Главное значение называют еще *основным*, *стержневым*, *центральным*, а второстепенные — *добавочными*, *дополнительными*. Некоторые лингвисты пользуются терминами *собственное* и *несобственное* значения слова. Термины эти явно неудачны: любое значение слова является его «собственностью».

В структуре значений многих многозначных слов выделяются *прямые* и *переносные значения*. Прямое значение направлено на предмет прямо, непосредственно. Это первичное наименование предмета. Переносное значение — это значение, направленное на предмет не прямо, а через посредство, через призму прямого. Это всегда вторичное наименование предмета. Переносное значение есть результат переноса наименования с одного предмета на другой, в чем-то сходный с первым (такое переносное значение называют метафорой). Переносное (метафорическое) значение возникает на базе сравнения и является свернутым сравнением. Например, у слова *осел* значение «родственное лошади выючное домашнее животное, небольшого роста, с длинными ушами, обычно серой окраски» является прямым, а значение «глупый, тупой, упрямый человек» — переносным; у слова *мажор* значение «музыкальный лад, характеризующийся бодрой, радостной звуковой окраской» является прямым, а значение «бодрое, веселое настроение» — переносным.

Будучи свернутым сравнением, переносное значение обычно допускает трансформацию (преобразование) в сравнительный оборот.

Например: *Он осел* → *Он подобен ослу / Он как осел / Он глуп, как осел*.

Прямое значение называют еще *буквальным*, а переносное — *образным*, *фигуральным*.

Что такое мотивирующие и мотивированные значения? *Мотиви-*

³⁰ Кацнельсон, 1960, 87; см. также: Пауль, 1960, 93; Курилович, 1955, 78.

рующим называют значение производящего слова, а *мотивированным* — значение производного слова. Например, слово *кожа* имеет мотивирующее значение, а слово *кожаный* — мотивированное. Значение первого слова мотивирует (объясняет) значение второго. Слово *кожаный* означает «сделанный из кожи». Это не случайно: слово *кожаный* непосредственно произведено от слова *кожа* и, включив в себя его основу, включило в себя его значение. Другое дело — значение слова *кожа*. Это значение является немотивированным, поскольку слово *кожа* — непроизводное.

Таким образом, непроизводное слово имеет немотивированное значение, производное слово — мотивированное значение, а производящее слово — мотивирующее значение.

Синонимичными называются близкие или совпадающие значения разных слов, могущие взаимозаменяться в одном окружении. Например: *подлинник* — *оригинал*, *нуждаться* — *бедствовать*. Разные значения многозначного слова входят в разные синонимические ряды. Например: 1) *темный* — *неосвещенный* и 2) *темный* — *безграмотный*; 1) *жесткий* — *твердый* и 2) *жесткий* — *резкий*.

Антонимичными называются значения, находящиеся в отношениях полного логического противопоставления. Например: *тихий* — *громкий*, *темный* — *образованный*. Разные значения многозначного слова входят в разные антонимические пары: 1) *темный* — *светлый* и 2) *темный* — *образованный*; 1) *жесткий* — *мягкий* и 2) *жесткий* — *тактичный*.

Когда мы имеем дело с многозначными словами, то синонимичные и антонимичные отношения устанавливаются не между словами в целом, а между их отдельными значениями, точнее — лексами.

Теперь мы должны охарактеризовать свободные и связанные значения. *Свободные значения* — это такие значения, сочетаемость которых в речи не ограничена никакими языковыми факторами. Например, значение «коричневый» (точнее, слово *коричневый* с соответствующим значением) свободно сочетается с любыми другими значениями, если только это не противоречит реальным связям реальных предметов: *коричневый портфель*, *коричневый костюм*, *коричневый галстук* и т. п. Что же касается недопустимости сочетаний типа «коричневая пословица», то она объясняется внеязыковыми факторами — отсутствием у предмета пословица соответствующего цветового признака. Свободные значения в языке преобладают.

Связанные значения — это такие значения, сочетаемость которых в речи резко ограничена, причем это ограничение имеет чисто языковую природу. Например, слово *карий* может сочетаться только со словом *глаза*. Если исходить из того, что слово *карий* имеет значение «коричневый», то можно было бы ожидать сочетаний **карий портфель*, **карий костюм*, **карий галстук* и т. п. С предметно-логической точки зрения такие сочетания возможны. Но язык, языковая тради-

ция накладывает на них категорический запрет. Слово *карий* имеет типичное связанное значение.

Аналогичные отношения наблюдаются между словами *внезапная* и *скоропостижная*: *внезапная смерть*, *внезапный отъезд*, *внезапная свадьба* — *скоропостижная смерть* (но * *скоропостижный отъезд*, * *скоропостижная свадьба* и т. п.); *опустить* — *потупить* (глаза, голову); *разбить* — *расквасить* (нос, лицо); *очень сильный* — *трескучий* (мороз); *ненадежный* — *утлый* (челн) и т. п.

Слова со свободными значениями образуют свободные словосочетания, слова со связанными³¹ значениями — фразеологические словосочетания. Некоторые исследователи считают, что разница между свободными и фразеологическими словосочетаниями — чисто количественная. Например, М. М. Копыленко и З. Д. Попова пишут: «... По сути дела, абсолютно свободных сочетаний лексем в языке не существует, есть только разные по количеству возможностей сочетаемости серии лексем» (Копыленко, Попова, 1972, 8)³². Действительно, нет и не может быть лексем, способных сочетаться со всеми без исключения другими лексемами данного языка. Иначе говоря, сочетаемость любого слова является ограниченной. Но между свободными и связанными словосочетаниями — разница не количественная, а качественная: сочетаемость слов в свободных словосочетаниях ограничена факторами внеязыковыми, предметно-логическими³³ (например, возможны сочетания *голубое небо*, *голубая кофточка* и т. п., но невозможны сочетания **голубой отказ*, **голубое согласие* и т. п., потому что *отказ* и *согласие* как детонаты не обладают признаком цвета), а сочетаемость слов в связанных словосочетаниях ограничена факторами чисто языковыми, точнее — языковой традицией (например, только языковой традицией можно объяснить недопустимость словосочетания **карий костюм*)³⁴. Есть

³¹ Точнее, с фразеологически связанными, поскольку существуют и синтаксически связанные значения.

³² Во втором издании книги М. М. Копыленко и З. Д. Попова признают существование «эфемерных, разрушающихся вслед за возникновением совершенно свободных сочетаний» (Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии: Проблемы, методы, опыты. — Воронеж, 1978, — С. 10).

³³ Сочетаемость двух слов в акте речи зависит прежде всего от реальной совместимости в экстралингвистической действительности их референтов, — пишут О. В. Загоровская и И. А. Стернин (1983, 127).

³⁴ О. В. Загоровская и И. А. Стернин справедливо замечают, что «существует два вида сочетаемости слова: отражательная и традиционная. Отражательная сочетаемость регулируется денотативными и коннотативными компонентами значения слова. Традиционная — особыми скрытыми семами ограничения сочетаемости, или селективными семами» (Загоровская, Стернин, 1983, 131). Возражение вызывает здесь лишь мысль о существовании особых «селективных сем»: ведь сема, по определению, — это компонент значения и имеет отражательную природу. Авторы и сами считают понятие «селективных сем» дискуссионным. Таким образом, они правы не тогда, когда вводят искусственное понятие «селективных сем», а тогда, когда говорят, что традиционная сочетаемость «логически не объяснима и определяется языковой традицией» (там же).

слова, сочетаемость которых ограничена всего одной лексемой, но, поскольку это ограничение имеет предметно-логический характер, их значения следует отнести к свободным, а не к фразеологически связанным³⁵. Примером может служить слово *перочинный*.

Есть связанные значения, свобода употребления которых в речи ограничена синтаксически. Они могут выступать в речи главным образом тогда, когда слово выполняет в предложении функцию сказуемого (а также — реже — обращения и приложения). Например: «Он еще орел!» Такого рода значения наблюдаются у слов *ворона, петух, тюлень, кремь, молодец* и ряда других. Анализируемые значения можно называть синтаксически связанными. Преимущественное употребление слов типа орел в функции сказуемого (предиката) объясняется тем, что они имеют предикативно-характеризующие (или просто характеризующие) значения. Семантика слова обуславливает его синтаксическое поведение. Слово, имеющее характеризующее лексическое значение, должно занимать позицию того члена предложения, который является носителем предикативного признака, — сказуемого.

В. В. Виноградов называл эти значения «синтаксически обусловленными» (Виноградов, 1953, 27). Однако этот термин вызывает возражения в связи с тем, что превратно толкует взаимоотношения синтаксиса и семантики: не синтаксическое поведение (функция) слова обуславливает его значение, а, наоборот, значение слова обуславливает его синтаксическое поведение³⁶.

Кроме «синтаксически обусловленных», В. В. Виноградов выделил также «конструктивно организованные (обусловленные) значения» (Виноградов, 1953, 27), т. е. значения, связанные с той или иной моделью управления (передать + кому, интересоваться + чем, рассказать + о чем и т. п.), значения, сама дифференциация которых «всецело зависит от форм их сочетаемости с другими словами» (Виноградов, 1953, 27). К «конструктивно организованным» В. В. Виноградов относил значения, предполагающие при себе зависимую падежную (предложно-падежную) форму, например *отозваться + на просьбу*. Если же при данном значении падежная (предложно-падежная) форма не употребляется (например: *Никто не отозвался*), то это значение, видимо, следует называть «конструктивно не организованным». Но ведь употребление слова без зависи-

35 «Чисто селективные ограничения сочетаемости слов, — пишут О. В. Загоровская и И. А. Стернин, — следует отличать от случаев единичной сочетаемости словесных единиц типа «кивать (головой)», «сиплый (голос)», «жмурить (глаза)», «скалить (зубы)» и т. п. Единичная сочетаемость слова всегда обусловлена денотативно, указание на характеризуемый объект входит в понятие, которое в связи с этим становится очень узким...» (Загоровская, Стернин, 1983, 129).

³⁶ См. об этом: Фоменко, 1974, 3—11; Он же, 1979, 3—11; Он же, 1981, 3—9.

мой падежной формы — это тоже употребление в определенной конструкции, о чем прямо сказано и в статье В. В. Виноградова (с. 27). Иначе говоря, каждое слово в любом лексическом значении употребляется в той или иной синтаксической конструкции, в том или ином синтаксическом окружении. Иметь синтаксическое окружение (синтаксические признаки) — это свойство всех без исключения слов. Значит, это свойство не может рассматриваться как дифференциальное, способное лечь в основу классификации. Лексические значения нет оснований делить на конструктивно организованные и конструктивно не организованные значения (которые на с. 26 В. В. Виноградов назвал прямыми). О том, что «конструктивно обусловленные» значения не образуют особого типа, говорил и сам В. В. Виноградов: «Таким образом, в системе знаменательных частей речи конструктивная обусловленность или связанность лишь вносит своеобразные оттенки в основные типы значений слов...» (с. 28).

Говоря о «конструктивно обусловленных» значениях, В. В. Виноградов во всех случаях имеет в виду связь слов со словами управляемыми. А их связь со словами согласованными и примыкающими (а также сочиненными)? Ведь «формы сочетаемости» слов могут быть разными.

Самое же главное возражение вызывает тезис об обусловленности лексического значения его окружением, управлением, синтаксическими свойствами. Как мы уже сказали, не синтаксическое окружение обуславливает лексическое значение слова, а, наоборот, лексическое значение слова обуславливает его синтаксическое поведение.

На стыке словообразования и лексикологии возникает необходимость разграничения лексического и словообразовательного значений. *Словообразовательное* значение — это значение словообразовательной модели (образца), по которой сконструировано слово³⁷, а *лексическое* значение — это индивидуальное значение слова, включающее в себя словообразовательное значение как свою мотивацию (см.: Моисеев, 1985, 84), основу, каркас³⁸. Словообразовательное значение — это наметка лексического. Чаще всего лексическое значение не равно простой сумме значений входящих в него морфем. Это несовпадение лексического значения с суммой значений морфем называют идиоматичностью слова. Например: *безвременный* — не «не имеющий времени», а «преждевременный»; *безбожный* — не «не имеющий бога», а «бессовестный, возмутительный»;

37 По мнению А. И. Моисеева, это «семантическое соотношение между производным словом и его производящим...» (Моисеев, 1985, 16).

38 Вряд ли словообразовательное значение можно считать частью лексического значения (или содержания) слова, как это делает, например, К. А. Тимофеев (см.: Тимофеев, 1977, 54—55).

столяр — не «человек, делающий столы», а «рабочий, специалист по обработке дерева (более тонкой и тщательной, чем при плотничьих работах) и изготовлению изделий из него».

«... Идиоматичность слова — закон,— пишет М. В. Панов, — а неидиоматичность — отступление. Но в таком случае эта неидиоматичность сама идиоматична» (Панов, 1956, 151)³⁹.

Попробуем теперь ответить на вопрос, в какие типы оппозиций может входить то или иное значение, конкретнее: всегда ли производящее значение является главным, а производное — второстепенным; всегда ли прямое значение является главным, а переносное — второстепенным; всегда ли производное значение является переносным. На все эти вопросы мы ответим: не всегда. Производное значение может быть главным, а производящее — второстепенным. Например: *отрез* — 1) «действие по глаголу отрезать» и 2) «несколько метров ткани, отрезанных от целого куска»; *вертеп* — 1) «пещера» и 2) «приют»; *диктатор* — 1) «должностное лицо в древнем Риме, назначавшееся сенатом в случае внешней или внутренней опасности, угрожавшей государству, и располагавшее неограниченными полномочиями» и 2) «лицо, пользующееся неограниченной властью в управлении государством».

Переносное значение может быть главным, а прямое — второстепенным. Например: *антипод* — 1) во мн. ч. «обитатели двух диаметрально противоположных точек поверхности земного шара» и 2) «лицо, имеющее противоположные взгляды, обладающее противоположными качествами по сравнению с кем-либо».

Производное значение чаще бывает переносным, но может быть и прямым. Например: *дорожка* — 1) «ум.-ласк, к дорога» и 2) «узкий, длинный ковер, половик».

В семасиологических работах структурального направления под влиянием семиотики Ч. Пирса принято выделять три вида (типа) значений: денотативное, сигнификативное и структурное. *Денотативное* (или предметное) значение — это «отношение языковой единицы к денотату» (Плотников, 1984,9), *сигнификативное* (или понятийное) значение — это «отношение языковой единицы к сигнификату, т. е. к понятию, образу, мысли человека о соответствующем денотате» (там же), *структурное* (или внутриязыковое) значение — это «отношение данной языковой единицы к другим однородным ей единицам» (там же). Эта типология значений вызывает целый ряд возражений.

Во-первых, она опирается на релятивистскую концепцию значения Ч. Пирса, несовместимую с субстанциональной (отражательной) концепцией. Согласно последней, значение есть самостоятельная психическая сущность, мыслительный образ, отражение

³⁹ См. также: Панова, 1984, 63 и др.

предмета, ассоциированное с тем или иным звукокомплексом (точнее, образом звукокомплекса), а не отношение языковой единицы к денотату, сигнификату и другим языковым единицам.

Во-вторых, эта типология предполагает монолатеральность (односторонность) языковой единицы, значением которой признается не ее составная часть, а отношение к разным другим вещам.

В-третьих, между языковой единицей (звуковым комплексом) и денотатом нет непосредственной связи. Их отношения опосредованы понятием (сигнификатом), т. е. значением.

В-четвертых, как уже было показано, значение по своей природе совпадает с понятием (сигнификатом). Следовательно, языковая единица не просто «соотносится» с понятием, а включает его в свой состав на правах плана содержания.

В-пятых, прежде чем вступить в отношения с другими языковыми единицами, данная единица языка уже должна обладать определенным, постоянно присущим ей значением, которое и определяет ее сочетательный потенциал. Как мы уже сказали, не сочетаемость определяет значение, а значение определяет сочетаемость. «... Синтактика, — заметил М. В. Никитин, — относится к устройству знаковых систем и знаковых выражений, но не к их содержанию, не к передаваемой ими информации» (Никитин, 1988, 37).

В-шестых, нельзя рассматривать в одном ряду «денотативное», «сигнификативное» и «внутриязыковое» значения, с одной стороны, и «фонетическое»⁴⁰, грамматическое и лексическое значения — с другой, поскольку первая триада отражает релятивистскую, а вторая — отражательную концепцию значения.

В-седьмых, если мы признаем в каждом слове существование «денотативного», «сигнификативного» и «структурного» значений, то мы, очевидно, должны признать многозначными все слова (без исключения).

Все сказанное приводит нас к выводу о неадекватности типологии значений, принятой в семиотике⁴¹ и структурной лингвистике (см. также: Никитин, 1988, 33—38).

Вопросы для самопроверки

1. Перечислите все типы лексических значений в русском языке.
2. Что такое номинативные и неноминативные значения?
3. Что такое конкретные и абстрактные значения?

⁴⁰ Понятие «фонетического значения» уже неоднократно подвергалось резкой и справедливой критике (см., напр.: Солнцев, 1977, 130—135). Мы разделяем отрицательное отношение к этому понятию.

⁴¹ " Семиотика (или семиология) — это «наука об общих свойствах знаковых систем вообще, включающая в себя языкознание в той мере, в какой язык обладает семиологическими свойствами» (Ахманова, 1966, 402).

4. Что такое терминологические и нетерминологические значения?
5. Что такое эмоциональные и нейтральные значения?
6. Что такое актуальные и неактуальные (устарелые и неологические) значения?
7. Что такое стилистически ограниченные и межстилевые значения?
8. Что такое литературные и областные значения?
9. Что такое производящие и производные значения?
10. Что такое главные и второстепенные значения?
11. Что такое прямые и переносные значения?
12. Что такое мотивирующие и мотивированные значения?
13. Что такое синонимичные значения?
14. Что такое антонимичные значения?
15. Что такое свободные и связанные значения?
16. Что такое фразеологически связанные и синтаксически связанные значения?
17. Что такое словообразовательное значение?
18. Что такое идиоматичность слова?
19. Как следует интерпретировать «денотативное», «сигнификативное» и «структурное» значения?

4. ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В содержание каждого самостоятельного слова, кроме лексического, входят грамматические значения. Например, в содержание слова *лисица* входит лексическое значение «хищное млекопитающее из семейства собачьих с длинным пушистым хвостом» и грамматические значения женского рода, единственного числа, именительного падежа. Что же такое грамматическое значение и чем оно отличается от лексического?

1) Легко заметить, что грамматические значения, свойственные слову *лисица*, повторяются во многих других словах, например в словах *девушка*, *невеста*, *подруга*, *попадья*, *соседка* и тысячах других. Что касается лексического значения слова *лисица*, то оно свойственно только этому слову и никакому другому. Делаем вывод: лексическое значение индивидуально, т. е. принадлежит тому или иному отдельному слову, а грамматическое значение категориально, т. е. свойственно целым большим классам (категориям) слов.

Грамматические значения можно определить как значения, сопутствующие лексическому и охватывающие большие классы слов.

Лексическое значение отражает предмет (в широком смысле слова), а грамматические значения — его сопутствующие признаки, причем признаки, повторяющиеся во множестве предметов, и нередко предметов разных категорий. Например, значение 1 лица свойственно

и слову *иду*, и слову *пою*, и слову *читаю*, и тысячам других слов; значение единственного числа свойственно и слову *корова*, и слову *человек*, и слову *иду*, и тысячам других слов разных классов (частей речи).

2) Можно ли противопоставлять лексические и грамматические значения по признаку конкретности/абстрактности? По-видимому, можно. Лексические значения могут быть и конкретными, и абстрактными (например, «камень» и «гнев»), а грамматические значения всегда абстрактны (например, грамматические значения наклонения, времени, вида и др.). Не случайно в процесс грамматикализации вовлекаются лишь абстрактные слова. Примерами могут служить связочный глагол *быть*, предлоги *согласно* и *вследствие*, союз *хотя* и мн. др. Грамматические значения часто выражают отношения. Вспомним здесь, к примеру, грамматическое значение падежа.

Сами грамматические значения тоже могут различаться степенью абстрактности. Так, например, грамматические значения изъявительного, повелительного и сослагательного наклонений охватываются более абстрактным грамматическим значением наклонения вообще (грамматической категорией наклонения).

3) Грамматические значения находятся в определенной зависимости от лексических, точнее — от их категориальных (частеречных) сем⁴². Так, если в лексическое значение слова входит категориальная сема предметности, то у этого слова ожидаются и обнаруживаются грамматические значения рода, числа и падежа (*плотник*); если в лексическое значение слова входит категориальная сема процессуальности, то у этого слова ожидаются и обнаруживаются грамматические значения вида, залога, наклонения, времени и лица (*пишу*).

4) Можно ли различать лексические и грамматические значения по количественному признаку? Да: число грамматических значений в каждом языке, в отличие от лексических, невелико. Грамматические значения легко исчислимы. Видимо, это объясняется их абстрактностью.

5) Грамматические значения, в отличие от лексических, образуют четкие оппозиции, обычно состоящие из двух-трех членов. К ним относятся, например, грамматические значения числа, наклонения, времени, лица и др. Оппозитивность — обязательное качество грамматического значения. Нельзя говорить о каком-либо грамматическом значении, если ему не противопоставлено другое (другие) однопорядковое (однородное) грамматическое значение. Например, поскольку в английском языке нет оппозиции двух или нескольких

⁴² Подчеркнем, что значения частей речи мы вслед за некоторыми авторами (см., напр.: Левковская, 138) рассматриваем не как грамматические (дополнительные, сопровождающие) значения, а как ядерные категориальные (частеречные) семы лексических значений.

падежных значений, постольку нет оснований говорить о падеже вообще. Грамматические значения, входящие в одну оппозицию, охватываются более широким — родовым — грамматическим значением, именуемым грамматической категорией.

6) Если лексическое значение выражается основой слова, то грамматическое значение — служебной морфемой (или каким-нибудь грамматическим средством). Будучи дополнительным в плане содержания, грамматическое значение является дополнительным и в плане выражения. Например: *весн* + а, *ид* + у.

Конкретный грамматический способ выражения грамматического значения называется *грамматической формой*. Выражение с помощью той или иной грамматической формы (грамматического средства) — обязательный признак грамматического значения (см.: Ахманова, 1957, 66)⁴³. Могут быть случаи, когда одно и то же значение выражается то служебной морфемой, то основой слова (словом в целом). Например: беру — я брал, профессора — профессура, человек 200 (порядок слов) — *приблизительно* 200 человек. В словоформе беру значение 1 лица является *грамматическим*, в словосочетании я брал — лексическим.

Грамматическое значение, в отличие от лексического, может иметь нулевую форму: стол *_*, пришел *_*, принес *_*.

7) Можно ли различать грамматические и лексические значения по признаку обязательности, предложенному Ф. Боасом (см.: Якобсон, 1985, 231)? По-видимому, да. Какие значения являются обязательными, т. е. появляются в речи в обязательном (принудительном) порядке, независимо от воли говорящего, каждый раз, когда в высказывании появляется слово (часть речи), способное иметь это значение? Очевидно, грамматические. Обязательными являются, например, значения вида и времени, поскольку каждый глагол получает в речи ту или иную видовую характеристику, а в рамках изъявительного наклонения в обязательном порядке характеризуется по признаку времени: *выздоровливаю* — *выздоровел*, *писал* — *пишу* — *буду писать*. Следствием обязательности грамматического значения является его высокая частотность.

8) Как известно, многие слова языка многозначны, т. е. имеют несколько лексических значений. Сохраняется ли многозначность на уровне речи? Нет, в речи многозначное слово фигурирует не во всех, а лишь в одном своем значении. Например, слово *дом* выступает то в значении «жилище», то в значении «люди, в нем живущие», но не в том и другом одновременно. Иначе ведет себя многозначная флексия, являющаяся средством выражения грамматических значений: она остается многозначной и на уровне речи. Например,

⁴³ В связи с этим грамматические значения иногда называют формальными (см.: Ахманова, 1966, 161).

в словоформе *женщина* флексия одновременно выражает грамматические значения женского рода, единственного числа и именительного падежа. Этот признак флексии (и грамматического значения) называют *одновременной многозначностью* (Ю. С. Маслов), *синтетосемией* (П. Н. Денисов), «*кучностью*» (Б. С. Хаймович).

9) Если какое-либо значение находится в регулярных отношениях с грамматическим значением, то оно само есть грамматическое значение. Например, значение вида находится в регулярных отношениях с грамматическим значением времени и само является грамматическим. Лексическое (индивидуальное) значение находится в регулярных отношениях с грамматическим (категориальным) не может.

К этим (отмеченным в литературе) признакам грамматического значения добавим еще один.

10) Известно, что лексическое значение обычно многокомпонентно, т. е. включает в себя не менее двух сем. А грамматическое значение? Можно предполагать, что оно однокомпонентно, «односемно». Это объясняется тем, что грамматическое значение отражает какой-то абстрактный признак целого класса вещей.

После всего сказанного грамматические значения можно определить следующим образом: это значения, сопровождающие лексические, отражающие признаки, свойственные большим классам предметов, и выражающиеся с помощью того или иного грамматического средства.

В современной литературе нет единства мнений о характере значений служебных слов — предлогов и союзов. Одни исследователи (К. С. Аксаков, Н. П. Некрасов, Д. Н. Овсянко-Куликовский, А. И. Смирницкий, Е. Т. Черкасова, Р. П. Рогожникова и др.) считают значения предлогов и союзов лексическими (вариант: предлоги имеют и лексическое, и грамматическое значения), другие (М. В. Ломоносов, А. А. Потеня, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, М. И. Стеблин-Каменский, В. С. Бондаренко и др.) — грамматическими. Сторонники второй точки зрения ссылаются на то, что предлоги и союзы выражают отношения (между словами и — далее — обозначаемыми ими явлениями объективной действительности). Например: *думаю о будущем, города и годы*.

Проверим эту точку зрения, опираясь на составленный нами список различных признаков грамматических значений.

1) Значения служебных слов являются не категориальными, а индивидуальными. Например: *к, под, за, перед; и, или, зато*. Это — признак лексического значения. Они не являются дополнительными, сопровождающими другие. Значение служебного слова нельзя расчленить на два компонента — лексический и сопровождающий его грамматический. Содержание служебного слова состоит из одного компонента, и этот компонент может быть определен только как

лексический, поскольку — повторим — грамматическое значение является сопровождающим, т. е. не может быть в слове единственным.

2) Значения служебных слов часто бывают конкретными: *над, под, перед, за*. Это — признак лексического значения.

3) Значения служебных слов не находятся в зависимости от частеречной семы их лексических значений. Это утверждение прямо вытекает из пункта первого.

4) Число значений служебных слов весьма велико и не поддается точному исчислению. Это сближает их с лексическими значениями.

5) Значения служебных слов не образуют четких оппозиций. Это — признак лексического значения.

6) Значения служебных слов выражаются не служебной морфемой, а словом в целом. Это — признак лексического значения.

Значения служебных слов не могут быть выражены нулевой формой.

7) Значения служебных слов не являются обязательными. Например: *Я подошел к дому* —→ *Я прошел еще несколько шагов и оказался около дома*. Вообще признак обязательности связан с признаком дополнительности.

8) Многозначные служебные слова всегда выступают в речи в одном из своих значений, а не во всех одновременно. Это — признак слова, а не морфемы (флексии).

9) В регулярных отношениях с грамматическими значениями значения служебных слов не находятся. Это признак лексического значения.

10) Предварительный анализ показывает, что служебным словам свойственна односемность. Это признак грамматического значения.

Из всего сказанного вытекает, что значения служебных слов не являются грамматическими в строгом смысле этого термина. Значения служебных слов стоят ближе к лексическим.

В то же время необходимо учитывать их специфику. Служебные слова выражают отношения, не выполняют номинативную функцию, не обладают признаком самостоятельности и не являются членами предложения. Все это сближает их со служебными морфемами (флексиями). Э. М. Джемакулова (1980, 35) предложила называть значения служебных слов комбинационными. Рациональное зерно в этом предложении есть.

Вопросы для самопроверки

1. Перечислите различительные признаки грамматического значения.
2. Вспомните определение грамматического значения.
3. Какое значение имеют служебные слова — предлоги и союзы?

5. ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ

Эмоционально-оценочный компонент отражает отношение человека к обозначаемому предмету, эмоцию⁴⁴, которую предмет вызывает, оценку, которую человек дает предмету. Строго говоря, эмоциональность и оценочность слова — признаки самостоятельные, но они тесно связаны друг с другом. Эмоциональность невозможна без оценочности, ибо любая эмоция носит оценочный характер (хотя оценка не всегда эмоциональна). В то же время разграничивать оценочность и эмоциональность очень трудно, поэтому-то языковеды и предпочитают говорить об эмоционально-оценочном компоненте.

Эмоционально-оценочный компонент легче всего обнаруживается с помощью метода сравнения. Например, слова *голова* и *будка* имеют одно и то же лексическое значение, но различаются эмоционально-оценочным компонентом: слово *голова* имеет нулевой эмоционально-оценочный компонент (нулевую окраску), а слово *будка* выражает отрицательную оценку предмета, чувство отвращения к нему. В словарях эмоционально-оценочный компонент характеризуется пометами «неодобр.», «бран.», «ирон.», «фам.», «груб.», «презр.», «пренебрежит.», «шутл.» и т. д. Например: *баба* (о женщине) — пренебрежит., *баба* (о мужчине) — ирон., *вонь* — неодобр., *выдра* (чрезмерно худая женщина) — бран., *выродок* — презрит., *гляделки* — груб., *супружница*, *вельми*, *шарм*, *зело* — шутл.

Некоторые исследователи (например, Е. М. Галкина-Федорук, 1957, 83) относят к эмоциональной лексике названия эмоций типа *любовь*, *ненависть*, *злость*. Однако слова типа *злость* выражают не эмоции, а понятия об эмоциях, так что эти слова имеют чисто интеллектуальный характер. Произнося слово *злость*, говорящий не испытывает чувства злости. Другое дело — слово (фраза) «*Собака!*».

6. СТИЛИСТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ

Стилистический компонент содержания слова (стилистическая окраска) несет информацию о ситуации (сфере общения), в которой протекает речевой акт. Эта ситуация может быть бытовой, официальной, торжественной и т. д. Стилистический компонент отражает принадлежность слова к тому или иному стилю языка: разговорному

⁴⁴ Эмоции — это «реакции человека и животных на воздействие внутр. и внеш. раздражителей, имеющие ярко выраженную субъективную окраску и охватывающие все виды чувствительности и переживаний. Связаны с удовлетворением (положит. Э.) или неудовлетворением (отрицат. Э.) разл. потребностей организма. Дифференцированные и устойчивые Э., возникающие на основе высш. социальных потребностей человека, обычно наз. чувствами (интеллектуальными, эстетич., нравст.)» (СЭС, 1985, 1543).

(*перебранка*), научному (*онтология*), деловому (*нижеподписавшиеся*), публицистическому (*демократизация*), литературно-художественному (*ветрило*); сниженному (*барахло*) и высокому (*грядущий*).

Стилистический (как и эмоционально-оценочный) компонент может быть нулевым. Слова с нулевым стилистическим компонентом называют стилистически не закрепленными, не окрашенными, межстилевыми. Это значит, что они могут быть употреблены в любом стиле языка. Например: *дом, идти, хороший, он, пять* и т. д.

В работах по стилистике довольно часто используют термин *экспрессивность* (экспрессив). Слово *экспрессия* восходит к латинскому слову *expressio* («выражение»). В «Справочнике лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой слово *экспрессия* толкуется следующим образом: «Выразительно-изобразительные качества речи, сообщаемые ей лексическими, словообразовательными и грамматическими средствами (экспрессивной лексикой, особыми аффиксами, тропами, фигурами)» (Розенталь, Теленкова, 1972, 488). В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой мы читаем: «Выразительно-изобразительные качества речи, отличающие ее от обычной (или стилистически нейтральной) и придающие ей образность и эмоциональную окрашенность» (Ахманова, 1966, 524). «... Экспрессивность — это усиление воздействующей, впечатляющей силы высказывания...» (Шаховский, 1975, 15). Таким образом, есть основания считать, что экспрессивность — не компонент содержания слова (как считают некоторые лексикологи), а выразительно-изобразительное качество речи, создаваемое средствами фонетики, лексики, фразеологии, словообразования, морфологии и синтаксиса. Это эффект, впечатление, производимое речью на слушателя. Экспрессивная речь — это речь, в чем-либо отклоняющаяся от среднестатистического языкового стандарта. Экспрессивное в речи «выступает как нерегулярное, нетипичное и поэтому необычное, свежее, выразительное» (Харченко, 1976, 70). Экспрессивность слова — это его свойство, определяемое эмоционально-оценочным компонентом, а также образностью значения. Например: *мордашка, ручонка, девчушка; тюлень, петух, орел*.

Эмоционально-оценочный и стилистический компоненты нередко называют термином *коннотация* («созначение», сопутствующее значение), *коннотативный компонент*.

Вопросы для самопроверки

1. Что такое эмоционально-оценочный компонент?
2. Что такое стилистический компонент?
3. Что такое коннотативный компонент (коннотация)?
4. Воспроизведите схему содержания слова.

ГЛАВА 2

ПЛАН ВЫРАЖЕНИЯ СЛОВА

1. ФОРМА СЛОВА

Нам уже известно, что слово — двусторонняя единица языка. Оно имеет форму и содержание. Содержание слова включает в себя лексическое значение, грамматические значения, эмоционально-оценочный и стилистический компоненты. Что же следует понимать под формой слова?

Сравним слова *дом* и *том*. Это разные слова. Чем выражено их различие? Их различие выражено качеством первой фонемы. Сравним слова *до* и *дом*. Их различие выражено количеством фонем. Сравним слова *том* и *мот*. Их различие выражено разной последовательностью одних и тех же фонем. Сравним слова *áтлас* и *атлáс*. Их различие выражено с помощью ударения. Делаем вывод: лексическое (семантическое, смысловое) различие двух словарных единиц выражено их звуковой оболочкой. Следовательно, звуковая оболочка является формой слова. Но исчерпывается ли понятие формы слова его звуковой оболочкой?

Сравним слова *супруг* и *супруга*. Это разные слова, имеющие разные лексические значения. Как выражено их различие? Их различие выражено в разнице их грамматического (морфологического) оформления (первое слово имеет нулевую флексию, второе — флексию *-а*). Следовательно, грамматическое оформление тоже относится к форме слова.

Сравним слова *полка* (*полоть*) и *полка* (*книжная*). Это разные слова, формально различающиеся не на фонетическом и не на грамматическом, а на словообразовательном уровне. Следовательно, словообразовательная структура тоже относится к форме слова. Другие примеры: *панк + а — пан + к + а*, *Гал + к + а — галк + а*.

Таким образом, можно говорить о фонетической, морфологической и словообразовательной форме слова. Иначе: форма слова — это его звуковая оболочка, морфологическое оформление и словообразовательная структура.

Субстанциональная природа формы слова на уровне речи и на уровне языка различна. На уровне речи форма слова имеет физический (звуковой или графический) характер, на уровне языка — психофизиологический (см.: Брудный, 1956, 106). Иначе говоря, форма слова на уровне языка — это не звучание, а его отражение в сознании, акустический образ. Следовательно, слово, на уровне языка представляет собой ассоциацию двух образов — образа предмета и образа звучания.

Звуковая оболочка слова — это сигнал, возбудитель соответствующего понятия. Сама по себе она величина односторонняя, т. к. не сопряжена со значением, которое всегда находится в голове человека и не может ее покинуть. В связи с этим приходится отметить неточность (метафоричность) выражения «Люди с помощью речи передают друг другу свои мысли». Ни значения, ни мысли в целом не могут быть отторгнуты от мозга и вложены в другой мозг. Процесс речевой коммуникации — это не процесс «передачи» мысли одним человеком другому, а процесс возбуждения в голове слушающего мыслей, аналогичных мыслям говорящего (см., напр.: Солнцев, 1974, 5).

2. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ СЛОВА

Известно, что изменяемое слово представляет собой систему форм (иначе — грамматических форм, словоформ), тождественных с точки зрения лексического значения и противопоставленных с точки зрения грамматических значений. Например, формами слова *город* являются: *город, города, городу, город, городом, городе, городá, городов, городам, города, городами, городах*. Каждая из этих форм противопоставлена каждой другой форме по грамматическому значению падежа и числа (или по одному из этих грамматических значений). Например, форма *город* противопоставлена форме *гóрода* по грамматическому значению падежа, форме *городá* — по грамматическому значению числа, а форме *городами* — по грамматическим значениям падежа и числа.

Совокупность всех форм (а также значений, лексико-семантических вариантов лекс) данного слова принято называть *лексемой*. Число словоформ, входящих в ту или иную лексему, может колебаться от единицы до нескольких сот. Например, лексема *сразу* включает одну словоформу, лексема *гнев* — 6 словоформ (*гнев, гнева, гневу, гнев, гневом, гнев*), лексема *овраг* — 12 словоформ (*овраг, оврага, оврагу, овраг, оврагом, овраге, овраги, оврагов, оврагам, овраги, оврагами, оврагах*), лексема *читать* — 206 словоформ (*читать, читаю, читаешь, читает, читаем, читаете, читают; буду читать, будешь читать, будет читать, будем читать, будете читать, будут читать; читал, читала, читало, читали; читай, читайте, пусть читает, пусть читают, читаем!; читал бы, читала бы, читало бы, читали бы; читающий, читающего, читающему, читающего, читающим, читающем, читающая, читающей, читающей, читающую, читающею (-ей), читающей, читающее, читающего, читающему, читающее, читающим, читающем, читающие, читающих, читающим, читающих, читающими, читающих; читавший (и соответствующие падежные, родовые и числовые формы — всего 24); читаемый (и соответствующие падежный, родовые и числовые формы — всего — 24); читая;*

прочитать (и соответствующие формы лица, числа, рода, времени и наклонения, причастия и деепричастия—всего 69); *читаться* (и соответствующие формы лица, числа, рода, времени, наклонения и причастия — всего 39), а лексема *решать* — 235 словоформ.

От грамматических форм одного слова (типа *город* — *горо́да*) следует отличать однокоренные, но самостоятельные слова (типа *город* — *горожанин*, *город* — *городской*). *Город* и *городской* — это не формы одного слова, а разные, самостоятельные слова, потому что они имеют разные (хотя и связанные) лексические значения.

Единицы типа *город* — *города́* толкуются всеми лингвистами одинаково. Однако есть факты, которые вызывают споры. К их числу относятся, например, единицы типа *ходить* — *ходивший*. В. В. Виноградов (1947, 429) и другие видят здесь формы одного слова, Н. М. Шанский (1964, 26) и некоторые другие — разные слова. Какая же точка зрения верна? Анализ показывает, что верна первая точка зрения.

Во-первых, причастие отличается от инфинитива не лексическим, а грамматическими значениями: *ходивший* = «такой, который ходил». Это признак формообразования.

Во-вторых, вспомним, что формообразование отличается от словообразования регулярностью. Ср.: *лампа*, *ла́мпы*, *ла́мпе*... = *жена*, *жены́*, *жене*..., но *лампа* → *лампочка* и *жена* → **женочка*. Образование причастий характеризуется почти стопроцентной регулярностью.

В-третьих, при словообразовании значение нового слова часто оказывается непредсказуемым, идиоматичным, не выводится по правилу, а при формообразовании значение новой формы предсказуемо, неидиоматично, выводится по правилу. Ср.: *паровоз*, *электричка*, *самовар* — и *лампа*, *ла́мпы*, *ла́мпе*. Значение причастия всегда выводится по единому правилу. Например: *ходивший* = «такой, который ходил», *сидевший* = «такой, который сидел», *молчавший* = «такой, который молчал» и т. д.

Спорными считаются факты видообразования: *решать* — *реши́ть*, *забросить* — *забрасыва́ть*, *делать* — *сдела́ть*. Что же перед нами — словообразование или формообразование? Значение вида является регулярным, категориальным и обязательным, т. е. грамматическим; значит, члены видовой пары различаются грамматическими значениями. Видообразование характеризуется регулярностью. Значение видовой формы выводится по правилу. Следовательно, перед нами — формообразование.

В школьном учебнике видовая пара охарактеризована следующим образом: «Глаголу одного вида может соответствовать глагол другого вида с близким лексическим значением. Такие глаголы образуют видовые пары» (Русский язык, 259). Но если значение вида — значение грамматическое, то члены видовой пары — не сло-

ва «с близким лексическим значением», а формы одного слова. Кстати, слова с близкими лексическими значениями — синонимы. С учетом этого члены видовой пары следовало бы называть «видовыми синонимами», чего, однако, никто не делает.

А. А. Шахматов, Л. В. Щерба и В. В. Виноградов к формам одного слова относят также уменьшительные и увеличительные образования (например, *дом*, *домик*, *доми́на*). Однако эти образования различаются не грамматическими, а лексическими значениями и должны быть истолкованы как самостоятельные слова.

В системе форм каждого слова одна форма осознается как основная, исходная, а все остальные — как зависимые. *Основной формой имен* является форма именительного падежа, *основной формой глагола* — инфинитив. О. С. Ахманова по этому поводу пишет: «Вряд ли можно сомневаться в том, что такие формы, как именительный падеж единственного числа существительного или инфинитив глагола, хотя они, казалось бы, и входят в соответствующие парадигмы на равных правах со всеми другими формами, на самом деле всегда выступают как наиболее обобщенные, наиболее «лексически свободные», наиболее отвлеченные от того или другого грамматического значения..., иными словами, как наиболее «чистые» представители лексического, «вещественного» значения данного слова» (Ахманова, 1957, 108). Это особенно бросается в глаза при анализе инфинитива. Как известно, он называет действие вне его отношения к модальности, времени, лицу и числу, действие вообще. Недаром его называют неопределенной формой глагола.

«Генеральный характер» формы именительного падежа и инфинитива, замечает Н. М. Шанский, проявляется в том, что они, во-первых, выступают как номинативные формы, как названия явлений действительности, во-вторых, как производящие формы, на базе которых, за редким исключением, только и осуществляется производство новых лексических единиц. Кроме того, продолжает Н. М. Шанский, «генеральный» характер основной, исходной формы слова обнаруживается и в том, что в русском языке нет ни одного слова, основная, исходная форма которого была бы аналитической (составной).

В современной литературе термин *грамматическая форма* используется в двух разных значениях: 1) «конкретный показатель грамматического значения» и 2) «словоформа». Эти значения нередко смешиваются, что ведет к недоразумениям понятийного характера. Показателен такой диалог преподавателя и студента: «Как выражается грамматическое значение (например, грамматическое значение единственного числа в слове *стена*)?» — «С помощью грамматической формы *стена*». Между тем грамматическое значение единственного числа в слове *стена* выражается с помощью граммати-

ческой формы (флексии) *-а*, а не всей словоформы *стена*. Подмена терминов ведет к подмене понятий и к неправильной интерпретации фактов языка.

3. ВАРИАНТЫ СЛОВА

От форм (грамматических форм, словоформ) слова следует четко отличать так называемые *варианты слова*. Например, *тоннель* — *тоннеля* — формы слова, а *тоннель* — *туннель* — варианты слова. Формы слова различаются грамматическими значениями, а варианты слова безразличны к семантике, семантически бессодержательны. Иначе говоря, *варианты слов* — это формальные видоизменения слов, совершенно безразличные к семантике.

Выделяют варианты акцентологические, орфоэпические, фонематические, морфологические (грамматические) и словообразовательные.

Акцентологические (акцентные) *варианты слова* — это варианты, различающиеся местом ударения: *творо́г* — *твóрог*, *о́бух* — *обу́х*, *мы́шление* — *мышлéние*, *одновре́менно* — *одновременéнно*, *сажéнь* — *сáжень*, *планёр* — *плáнер*, *пиалá* — *пиáла* и т. п.

Орфоэпические (фонетические) *варианты слова* — это варианты, различающиеся произношением звуков в слабых позициях: *в[и']сна* — *в[э']сна*, *ш[ʌ]ги* — *ш[ы]ги*, *с[о]нет* — *с[ʌ]нет*, *горчи[ч]ник* — *горчи [ш] ник*, *горь[ки]й* — *горь[кь]й*, *бла[г]о* — *бла[γ]о*, *во[ж]и* — *во[ж']и* и т. п.

Фонематические варианты слова — это варианты, различающиеся качеством или количеством фонем — фонемным составом. Например:

1) а) *калоша* — *галоша*, *кентавр* — *центавр*, *кинематограф* — *синематограф*, *крынка* — *кринка*, *матрас* — *матрац*, *околодок* — *околоток*, *пиччикато* — *пиццикато*, *рефлексивный* — *рефлексивный*, *торбаса* — *торбаза*, *целлюлоза* — *целлулоза*, *шкаф* — *шкан*, *этак* — *эдак*;

б) *ноль* — *нуль*, *строгать* — *стругать*, *тоннель* — *туннель*, *условливать-ся* — *уславливаться*;

2) *бивуак* — *бивак*, *кофе* — *кофей*, *осьмушка* — *восьмушка*, *отомстить* — *отмстить*.

Есть ли предел фонемного варьирования слова? Да, есть. Как пишет К. С. Горбачевич, «сама необходимость узнавания слова предполагает некий предел, за которым различие в форме влечет за собой разрушение тождества языковых единиц» (Горбачевич, 1978, 12), за которым языковые единицы начинают восприниматься как разные лексемы. «Позиционно не обусловленные фонематические несовпадения обычно не превышают двух фонем (при условии, что одна из них гласная фонема)» (Горбачевич, 1978, 14). «Более значительные

несовпадения в фонемном составе встречаются у некоторых формообразовательных вариантов (достиг — достигнул, накапливать — накапливать, маслята — масленки), где различия, во-первых, приходится на информативно менее значимый конец слова и, во-вторых, нейтрализуются грамматической регулярностью» (Горбачевич, 1978, 14).

Морфологические (грамматические) *варианты* слова — это варианты, различающиеся системой флексий. Например: *зал — зала, занавес — занавесь, жираф — жирафа, парафраз — парафраза, рельс — рельса, скирд — скирда, спазм — спазма, ставень — ставня* и т. д. Единицы типа *занавес — занавесь, жираф — жирафа* нельзя считать грамматическими формами одной лексемы, потому что они семантически тождественны друг другу. (Вспомним, что форма рода у неодушевленных имен существительных и многих названий животных бессодержательна, относится к области чистой языковой техники. Другое дело — в случаях *кум — кума, раб — раба, супруг — супруга*.)

К *словообразовательным вариантам* слова В. В. Виноградов, О. С. Ахманова и некоторые другие исследователи относят случаи типа: *беспристрастность — беспристрастие, героизм — героика, греча — гречиха, дилетантизм — дилетантство, жилет — жилетка, копун — копуша, лиса — лисица, самогон — самогонка, свинарник — свилярня, сочень — сочник, странствие — странствование, террарий — террариум, тишь — тишина, топонимика — топонимия, трешка — трешница, хорь — хорек, элиминация — элиминирование, эллипс — эллипсис; беж — бежевый, безъязыкий — безъязычный, бордо — бордовый, гипотетический — гипотетичный, ерундовский — ерундовый, йтованный — йотированный, комфортный — комфортабельный; бродяжить — бродяжничать, достичь — достигнуть, скопидомничать — скопидомствовать, целить — целиться; навикат — навикате, невмочь — невомоготу, сослепа — сослепу, хорошо — по-хорошему* и т. п.

Ф. П. Филин, Р. П. Рогожникова, Д. Н. Шмелев, Н. М. Шанский, К. С. Горбачевич и некоторые другие считают, что так называемые словообразовательные варианты — не варианты одного слова, а разные, хотя и однокоренные слова. Эти однокоренные слова на уровне формы различаются словообразовательными морфемами, а на уровне содержания — или оттенками значения, или системой (числом) значений, или стилистическими качествами, или сочетаемостью. Например, слово *дырка* отличается от слова *дыра* легким уменьшительным оттенком; слова *столовая* и *столовка* совпадают в значении «предприятие общественного питания», но значение «комната в доме, предназначенная для еды» свойственно лишь слову *столовая*; слова *редис* и *редиска* (так же, как *столовая — столовка, картофель — картошка*) различаются стилистической окраской; слова *до-*

мик и *домок* — сочетаемостью: возможно *зажить* своим *домком*, но невозможно «зажить своим домиком». Впрочем, полагают упомянутые языковеды, даже если две лексические единицы совсем не различаются на уровне содержания, само по себе несовпадение их морфемного состава должно означать, что это разные слова.

Думается, однако, что этот формальный признак не должен рассматриваться как определяющий. В качестве определяющего — в соответствии с общей марксистской теорией формы и содержания — должен рассматриваться содержательный аспект слова. С этой точки зрения в случаях типа *топонимика* — *топонимия* есть основания видеть словообразовательные варианты слова. Таким образом, словообразовательные варианты слова — это такие его модификации (видоизменения), которые различаются семантически опустошенными словообразовательными морфемами (в абсолютном большинстве или только — суффиксами).

Основные различия вариантов, пишет К. С. Горбачевич (1978, 206), — различия хронологические: один вариант осмысляется как уходящий (старый), другой — как входящий в язык (новый).

Если две лексические единицы с совпадающими лексическими значениями различаются корневой морфемой, то такие единицы принято считать *синонимами*. Например: *искусствоведение* — *искусствознание*, *мировоззрение* — *миросозерцание*, *многословный* — *многоречивый*, *нисколько* — *ничуть*, *сладкоежка* — *сластена*, *чужеземец* — *чужестранец* и т. п.

В языке встречаются и пары слов вроде *бегемот* — *гиппопотам*, *орфография* — *правописание*, *самолет* — *аэроплан*, *лингвистика* — *языкознание*, т. е. слова, тождественные по содержанию, но совершенно разные по форме. Лексикологи называют такие слова или *абсолютными синонимами*, или *дублетами*.

Вопросы для самопроверки

1. Что такое форма слова?
2. Что такое формы (словоформы) слова?
3. Что такое варианты слова?
4. Какие варианты слов выделяются в лингвистической литературе?
5. Какая разница между формами и вариантами слова?

4. СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КОМПОНЕНТОВ СОДЕРЖАНИЯ СЛОВА

Как же выражаются выделенные нами выше компоненты содержания слова?

По вопросу о способе выражения *лексического значения* слова в литературе существуют две точки зрения: одни исследователи считают, что лексическое значение выражается основой слова⁴⁵, другие — что словом в целом⁴⁶. Факты и логика говорят в пользу первой точки зрения. Какие же рассуждения приводят нас к этому выводу? Лексическое значение принадлежит всем словоформам данного слова (*стол, стола, столу, стол, столом* и т. д.). Если же оно является общей частью содержания всех словоформ, то оно должно выражаться общей (постоянной) частью их звуковой формы, т. е. основой. Переменная же часть словоформ используется для выражения грамматических значений. «Глокая куздра...» Л. В. Щербы подтверждает справедливость этой мысли.

Если мы согласимся с тем, что *лексическое значение* выражается словом в целом, то нам придется сделать вывод, что коннотативный компонент и грамматические значения не находят специального выражения, а из этого бы следовало, что форма слова нечленима. Если же мы считаем, что форма слова членима, что коннотативный компонент и грамматические значения имеют свои способы выражения, то мы должны признать, что лексическое значение выражается не словом в целом, а основой. Мнение о том, что лексическое значение выражается словом в целом, очевидно, проистекает из неосознанного смешения лексического значения и содержания слова.

Эмоционально-оценочный компонент слова выражается по-разному. В одних случаях он — совместно с лексическим значением — выражается основой слова или словом в целом (*баба, кляча, выдра; там, здесь, только*), в других — специальной морфемой, суффиксом субъективной оценки (*мамочка, мамуля, мамуся, старикан, шмутешки, офицерье, солдатня*).

Стилистический компонент (стилистическая окраска) специального выражения не имеет.

Что касается *грамматического значения*, то оно выражается «специальными соотносительными грамматическими формами: некорневыми морфемами, чередованием фонем, служебными словами, местоположением, просодическими средствами» (Крушельницкая, 1967, 217—218). Таким образом, грамматическая форма — это выразитель (показатель) грамматического значения. Этой точки зрения придерживается большинство исследователей. К их числу относятся А. А. Шахматов, А. М. Пешковский, Ж. Вандриес, Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров, П. С. Кузнецов, А. Н. Гвоздев, А. И. Смирницкий, А. В. Исаченко, М. В. Панов, М. Докулил,

45 См.: Пешковский, 1956, 11 — 13; Левковская, 1962, 135; Докулил, 1967, 7; Реформатский, 1967, 250—252; Кубрякова, 1974, 219—220; Моисеев, 1985, 16.

46 См.: Стеблин-Каменский, 1954, 161; Смирницкий, 1956, 152; Смирницкий, 1959, 101; Уфимцева, 1962, 10, 16; Черкасова, 1967, 10.

Ю. С. Степанов, А. В. Бондарко, К. Г. Крушельницкая, Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова, Ю. С. Маслов, Е. В. Клобуков, А. Е. Супрун, составители энциклопедии «Русский язык» и мн. др.

У термина *грамматическая форма*, как отметил еще А. М. Пешковский, есть и другое, производное значение — «словоформа», и эти значения нужно четко и последовательно разводить. Во избежание недоразумений было бы лучше вообще не употреблять термин *грамматическая форма* в значении «словоформа».

В лингвистической литературе и в практике преподавания встречается и другое определение грамматической формы — как единства грамматического значения и способа его выражения. Это определение мы найдем в работах О. С. Ахмановой, А. А. Реформатского, А. С. Попова, В. Н. Перетрухина, В. И. Кодухова⁴⁷ и нек. др. Однако проверка этого определения с философской, логической, физиологической и лингвистической точек зрения показывает его неадекватность.

Современная философия понимает под содержанием внутреннюю сторону предмета, а под формой — организацию содержания, способ его существования (см., напр.: Филос. энцикл., 1970, 383). Форма и содержание находятся в отношениях единства и взаимоисключения. Ни один философ не определяет форму как единство этой формы и выражаемого ею содержания. При таком подходе проблема взаимоотношений содержания и формы вообще снимается.

Онтологически содержание и форма любого явления нерасторжимы, но гносеологически они и могут, и должны быть отделены друг от друга.

Анализируемое определение не выдерживает критики с логической точки зрения. Как известно, единство есть один из типов отношений. Но всякое отношение всегда есть отношение вещей. Вещь, вступившая в отношения с другой вещью, не равна и не может быть равна этому отношению. Если мы будем утверждать, что А есть единство Б и А, а Б — соответственно — единство А и Б, то это бы означало, что сами по себе А и Б полностью лишены собственного качества и не существуют как таковые ни в объективной действительности, ни на уровне теоретического мышления.

Прежде чем говорить о единстве двух вещей, нужно сначала определить сами эти вещи.

В критикуемом определении легко обнаружить логический круг. Если мы примем определение грамматической формы как единства

47 См.: Ахманова, 1966, 116; Реформатский, 1967, 249, 260; Попов, 1963, 297; Перетрухин, 1968, 202; Программы..., 1980, 11 (симптоматично, что в новой программе по введению в языкознание определение грамматической формы как единства грамматического значения и средства его выражения снято; см.: Программы педагогических институтов. Введение в языкознание... М., 1985. Сб. 1. С. 4).

грамматического значения с данным грамматическим выражением, а словосочетание *грамматическое выражение* заменим его синонимом *грамматическая форма*, то наше определение примет вид упомянутого логического круга: «Грамматическая форма есть единство грамматического значения и грамматической формы», т. е. $x=y+x$. Грамматическую форму мы определяем через самое себя.

Определяя грамматическую форму как единство грамматического значения и способа его выражения, мы должны соответственно определить грамматическое значение как единство способа выражения и выражаемого им грамматического содержания (значения). Но в этом случае определения грамматической формы и грамматического значения совпадут, чего не может быть и что свидетельствует о неадекватности анализируемого определения.

Грамматическая форма — это компонент формы слова в целом. Если же считать грамматическую форму единством грамматического значения и способа его выражения, то грамматическая форма оказывается как компонентом формы слова, так и компонентом его содержания.

Соответственно, если грамматическое значение считать единством грамматической формы и выражаемого ею содержания, то грамматическое значение оказывается как компонентом содержания слова, так и компонентом его формы. Ни с тем, ни с другим согласиться невозможно.

Если грамматическая форма есть единство грамматического значения и способа его выражения, то лексическая форма (форма слова) должна интерпретироваться как единство содержания (внутренней стороны) слова и способа его выражения. Если же неверно второе, то неверно и первое.

А. А. Реформатский справедливо утверждает, что «каждое грамматическое явление всегда имеет две стороны: внутреннюю, грамматическое значение, то, что выражено, и внешнюю, грамматический способ выражения, то, чем выражено» (Реформатский, 1967, 248). Но из этого следует, что форма и содержание каждого грамматического явления обладают относительной самостоятельностью и должны получать самостоятельные определения.

Форма связана с содержанием, содержание связано с формой, но не является ее частью. В противном случае мы не имели бы права вообще говорить о реальности содержания.

О самостоятельности формы и содержания в языке свидетельствуют данные физиологии, прежде всего разные случаи афазии: утрата языковых форм при сохранении значений и утрата значений при сохранении языковых форм (см.: Иванов, 1962, 80; Верещагин, 1967, 39—75). По-видимому, «физиологические предпосылки акту-

ализации или понятий или лексем функционируют самостоятельно» (Верещагин, 1967, 46).

Представление об относительной самостоятельности формы и содержания в языке нашло отражение в лингвистическом понятии асимметрического дуализма языкового знака (С. О. Карцевский). Отношения между означающим и означаемым слова асимметричны. Одно означающее может иметь несколько означаемых, одно означаемое может иметь несколько означающих. Формально-содержательная асимметрия языкового знака лежит в основе таких явлений семантики, как полисемия, омонимия и синонимия.

Связь между содержанием и формой языкового знака — связь произвольная, социальная, историческая. Это ассоциация, а не неразрывное единство. Языковое содержание всегда хронологически предшествует языковой форме, которую носителям языка приходится искать и проверять на пригодность, а иногда и заменять.

Языковое содержание имеет отражательный, а выражение — знаковый характер. Форма и содержание в языке разграничены гораздо более четко, чем во многих других объектах. Четко разграничивая форму и содержание языка вообще, мы должны четко разграничивать и их элементы. Элемент плана выражения нельзя определять как единство, объединение элемента плана выражения и элемента плана содержания.

Значение — это мысль о предмете (классе однородных предметов), ассоциированная со звуковым комплексом (точнее — образом звукового комплекса). Мысль есть «продукт процесса мышления, являющегося особой функцией или свойством человеческого мозга, есть факт сознания, есть идеальное. Ее нельзя «отделить» от мыслящего мозга, нельзя «вынуть» из головы, «прикрепить» к звуковому комплексу и «перенести» по воздуху или какой-либо другой среде к слушающему и поместить в его голову. В самом звуковом комплексе, о котором говорят, что он выражает и сообщает (передает) мысль, никакой мысли обнаружить невозможно. ...Идея или мысль не передается через пространство. В голове слушающего появляется не переданная ему мысль извне, а своя собственная, но аналогичная мысли говорящего» (Солнцев, 1974, 5; см. также: Чейф, 1975, 74—75). «Несколько упрощая, можно сказать, что после обнаружения «подтекста» (не в тексте), «затекста» (вне текста), «предтекста» (вне текста) и «контекста» (частично вне текста) собственно текст придется рассматривать лишь как некую последовательность графических или звуковых сигналов, отсылающих реципиентов в область внетекстового» (Горелов, 1984, 25). Следовательно, единство формы и содержания лингвистической единицы имеет место на уровне языка (в сознании человека), но не имеет места на уровне речи (внешней речи). На уровне внешней речи форма лингвистической единицы отрывается

от своего содержания, что является еще одним доказательством самостоятельности формы и содержания в языке.

Для подавляющего большинства грамматических форм языков фузионного типа свойственно явление *синтетосемии* (одновременной многозначности). Одна грамматическая форма выступает как выразитель нескольких грамматических значений. С позиций А. А. Реформатского нам пришлось бы утверждать, что, например, в слове *весна* имеются три грамматические формы — рода, числа и падежа, тогда как перед нами — одна грамматическая форма, несущая тройную функциональную нагрузку.

Отдельные языковые формы (например, формант рода у неодушевленных существительных русского языка) могут семантически опустошаться, но не перестают быть самими собой. Отдельные грамматические значения могут не находить внешнего звукового выражения, т. е. выражаться нулем звука (в этих случаях говорят о нулевой морфеме). То и другое свидетельствует об относительной самостоятельности грамматической формы и грамматического значения.

Поскольку морфема (как и слово) имеет форму и содержание, ее справедливо считают двусторонней единицей языка. Определение грамматической формы как единства грамматического значения и способа его выражения не согласуется с тезисом о двусторонности морфемы.

Определение грамматической формы как единства грамматического значения и способа его выражения в принципе дублирует общепринятое определение грамматической категории (см., напр.: Рус. яз.: Энц, 1979, 59).

Таким образом, нам не удалось найти ни одного аргумента в пользу понимания грамматической формы как единства грамматического значения и способа его выражения. Грамматическая форма — это выразитель грамматического значения, это частный случай грамматического средства, чаще всего — та или иная конкретная служебная морфема.

Вопросы для самопроверки

1. Как выражается лексическое значение слова?
2. Как выражается эмоционально-оценочный компонент содержания слова?
3. Как выражается грамматическое значение слова?
4. Как следует понимать термин *грамматическая форма*?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Единицей языка в строгом смысле этого термина является только слово (а также фразеологический оборот — сращение и единство), обладающее признаками субстанциональности, дискретности, линейности, неоднородности, воспроизводимости, иерархичности, цельности, двусторонности, номинативности и самостоятельности. Фонема и морфема — это элементы, а предложение (и синтаксическое словосочетание) — свободная комбинация единиц языка.

Слово имеет две стороны — *содержание* и *форму*. Содержание слова включает в себя 4 компонента: лексическое значение, грамматические значения, эмоционально-оценочный и стилистический компоненты. *Лексическое значение* — это идеальный образ предмета, совпадающий с бытовым понятием и ассоциированный с образом звукокомплекса. *Грамматические значения* — это значения, сопровождающие лексические, отражающие признаки, свойственные большим классам предметов, и выражающиеся с помощью того или иного грамматического средства. Значения служебных слов не являются грамматическими в строгом смысле этого термина. Они стоят ближе к лексическим. Есть основания называть их комбинационными.

Эмоционально-оценочный компонент отражает отношение человека к обозначаемому предмету, эмоцию, которую предмет вызывает, оценку, которую человек дает предмету.

Стилистический компонент содержания слова (стилистическая окраска) несет информацию о ситуации (сфере общения), в которой протекает речевой акт.

Многозначность — это наличие у слова нескольких лексических значений. Значения многозначного слова находятся в отношениях производности (родства). Полисемия обусловлена способностью человека обнаруживать черты сходства между предметами и переносить наименование одного предмета на другой, в чем-либо сходный с первым.

Явлению полисемии противостоит явление *омонимии* — формального (звукового) совпадения двух совершенно разных по значению слов.

Слова могут различаться и различаются не только числом лексических значений, но и их *типами* (качеством). Словам русского языка свойственны следующие *типы значений*: номинативные — неноминативные (указательные, модальные, комбинационные и сигнальные), конкретные — абстрактные, терминологические — нетерминологические, нейтральные — эмоциональные, межстилевые — стилистически окрашенные, актуальные — неактуальные (устарелые и неологические), литературные — областные, производящие — производные, главные — второстепенные, прямые — переносные, моти-

вирующие — мотивированные, синонимичные, антонимичные, а также свободные и связанные (фразеологически связанные и синтаксически связанные). Словообразование оперирует понятием словообразовательного значения:

Форма слова — это его звуковая оболочка, а также морфологическое оформление и словообразовательная структура. На уровне речи форма слова имеет физический (звуковой или графический), на уровне языка — психофизиологический характер.

Звуковые модификации слова, тождественные с точки зрения его лексического значения и различающиеся грамматическими значениями, называются *формами слова* (иначе — грамматическими формами, словоформами). *Варианты слов* — это формальные видоизменения слов, абсолютно тождественные по содержанию.

Лексическое значение выражается *основой* слова (или словом в целом), грамматические значения — разного рода *служебными морфемами* (грамматическими средствами), эмоционально-оценочный компонент — или *суффиксом субъективной оценки*, или *основой слова* в целом. Стилистический компонент специального выражения *не имеет*.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2-е изд. — Т. 23. — 907 с.

Абаев В. И. [Выступление] // Дискуссия по вопросам омонимии на открытом заседании Ученого совета Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР: Лексикографический сборник. — М., 1960. — Вып. IV. — С. 71—76.

Абаев В. И. Общегуманитарные аспекты теоретического языкознания // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1973. — № 6. — С. 524—529.

Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. — М., 1966. — 302 с.

***Апресян Ю. Д.** Лексическая семантика: Синонимич. средства языка. — М., 1974. — 367 с.⁴⁸

Ахманова О. С. Некоторые вопросы семантики в современном языкознании // Ахманова О. С. и др. О точных методах исследования языка. — М., 1961. — С. 20—32.

***Ахманова О. С.** Очерки по общей и русской лексикологии. — М., 1957. — 295 с.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов — М., 1966. — 607 с.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М., 1974. — 447 с.

Брудный А. А. К вопросу о слове и его значении // Уч. зап. / Киргиз, гос. ун-т. — Филол. фак-т. — 1956. — Вып. 2. — С. 103—111.

Будагов Р. А. Введение в науку о языке. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1965 — 492 с.

Будагов Р. А. Категория значения в разных направлениях современного языкознания // Вопр. языкознания. — 1974. — № 4. — С. 3—20.

Будагов Р. А. Сравнительно-семасиологические исследования (романские языки). М: Изд-во МГУ, 1963. — 302 с.

⁴⁸ Знаком * обозначена литература, рекомендуемая студентам.

***Васильев Л. М.** Достоинства и недостатки компонентного анализа в семантических исследованиях // Исследования по семантике: Семантика слова и словосочетания. — Уфа, 1984. — С. 3—8.

Васильев Л. М. Типы языкового знания и их отношение к знанию неязыковому // Исследования по семантике: Семантика язык. единиц разн. уровней. Межвуз. науч. сб. — Уфа, 1988. — С. 3—13.

Васильев С. Язык, значение и картина мира // Изв. АН Казах. ССР. — Сер. обществ. — 1972. — № 4. — С. 41—48.

Верещагин Е. М. Слово: соотношение планов содержания и выражения // Вопросы порождения речи и обучения языку. — М.: Изд-во МГУ, 1967. — С. 39—75.

Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Вопр. языкознания. — 1953. — № 5. — С. 3—29.

Виноградов В. В. Русский язык: Граммат. учение о слове. — М.; Л., 1947. — 784 с.

Выготский Л. С. Мышление и речь // Выготский Л. С. Избр. психолог. исслед. — М., 1956. — С. 37—386.

Гак В. Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова // Вопросы описания лексико-семантической системы языка: Науч. конф.: Тез. докл. — М., 1971. — Ч. 1. — С. 95—98.

***Гак В. Г.** К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структур, лингвистики. 1971. — М., 1972. — С. 367—395.

Гак В. Г. Системность в лексике и типология лексических значений слова // Актуальные проблемы лексикологии: Тез. докл. третьей лингв. конф. 3—7 мая 1971. — Новосибирск, 1971. — С. 87—89.

Галкина-Федорук Е. М. Лексикология // Современный русский язык. — М., 1957. — С. 15—108.

Гольцова Н. Г. Лексика // Современный русский литературный язык: Учебник / Под ред. П. А. Леканта. — 2-е изд., испр. — М., 1988. — С. 8—48.

***Горбачевич К. С.** Вариантность слова и языковая норма. — Л., 1978. — 238 с.

Горелов И. Н. Проблема лингвистического обеспечения искусственного интеллекта // Вопр. языкознания. — 1984. — № 5. — С. 20—27.

Дегтярева Т. А. Формы проявления семасиологических законов // Законы семантического развития в языке: Сб. / Под ред. Т. А. Дегтяревой. — М., 1961. — С. 3—22.

Джемакулова Э. М. О структурной соотносительности приставочного деривата и предложного сочетания // Уч. зап. / Тартус. ун-т. — 1980. — Вып. 537. Вопр. рус. аспектологии. 5. — С. 25—38.

Докулил М. К вопросу о морфологической категории // Вопр. языкознания. — 1967. — № 6. — С. 3—16.

Загоровская О. В., Стернин И. А. О семантических компонентах, определяющих сочетаемость слова (общезыковая и терминологическая сочетаемость) // Термин и слово: Предм. отнесенность и функционирование терминов: Межвуз. сб. — Горький, 1983. — С. 26—132.

Задорожный М. И. О границах полисемии и омонимии. — М.: Изд-во МГУ, 1971. — 71 с.

Иванов В. В. Лингвистика и исследование афазии // Структурно-типологические исследования: Сб. ст. — М., 1962. — С. 70—95.

Калинин А. В. Лексикология // Современный русский язык / Под ред. Д. Э. Розенталя. — 3-е изд., испр. М. 1979. Ч. 1. — С. 8—51.

Кацнельсон С. Д. [Выступление] // Дискуссия по вопросам омонимии на открытом заседании ученого совета Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР: Лексикографический сборник — М., 1960. — Вып. IV. — С. 86—87.

***Кацнельсон С. Д.** Содержание слова, значение и обозначение. — М.; Л., 1965. — 110 с.

Кодухов В. И. Общее языкознание. М., 1974 — 303 с.

Колесов В. В. Исторические основания многозначности слова и лингвистические средства ее устранения // Русское семантическое словообразование. — Ижевск, 1984₁. — С. 18—28.

- Колесов В. В.** Словарная многозначительность многозначности слова // Деривация и полисемия: Межвуз. сб. науч. тр. — Тамбов, 1984г. — С. 45—57.
- Копыленко М. М., Попова З. Д.** Очерки по общей фразеологии. — Воронеж, 1972. — 124 с.
- Кругликова Л. Е.** Структура лексического и фразеологического значения. — М., 1988. — 84 с.
- *Крушельницкая К. Г.** Грамматические значения в плане взаимоотношения языка и мышления // Язык и мышление. — М., 1967. — С. 214—224.
- Кубрякова Е. С.** Основы морфологического анализа. — М., 1974. — 319 с.
- *Кузнецова Э. В.** Лексикология русского языка. — М., 1982. — 152 с.
- Кукушкина А. Т.** Многозначность и перенос наименования — важнейшие приемы экономии словесных средств // Уч. зап./Горьк. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Н. А. Добролюбова. — 1967. — Вып. 30. — С. 208—231.
- Курилович Е.** Заметки о значении слова // Вопр. языкознания. — 1955. — № 3. — С. 73—81.
- Левковская К. А.** Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. — М., 1962. — 296 с.
- Леонтьев А. Н.** Деятельность. Сознание. Личность. — 2-е изд. — М., 1977. — 304 с.
- Лупачева Л. И.** Проблема изучения семантической структуры слова в курсе лексикологии // Значение и форма слова: Межвуз. тем. сб. науч. тр. — Калинин, 1988. — С. 16—26.
- Лупачева Л. И.** Семантическая структура непроеизводных существительных в современном русском языке // Труды / Самарк. гос. ун-т. — 1976. — Вып. 287. — С. 52—63.
- Марков В. М.** О семантическом способе образования слов // Русское семантическое словообразование. — Ижевск, 1984. — С. 3—12.
- Маслов Ю. С.** Введение в языкознание. — М., 1975. — 327 с.
- Мельничук А. С.** Понятия системы и структуры языка в свете диалектического материализма // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. — М., 1970. — С. 38—69.
- Моисеев А. И.** Словообразование современного русского языка: Учеб. пособие. — Л., 1985. — 90 с.
- Никитин М. В.** О структуре лексического значения // Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. — Л., 1985. — Вып. 5. — С. 116—126.
- *Никитин М. В.** Основы лингвистической теории значения. — М., 1988. — 168 с.
- *Новиков Л. А.** Семантика русского языка. — М., 1982. — 272 с.
- Панов М. В.** О слове как единице языка // Уч. зап. / Моск. гор. пед. ин-т им. Потемкина. — 1956. — Т. 51. Каф. рус. яз. — Вып. 5. — С. 129—165.
- Панова А. А.** Ономазиология и проблема идиоматичности слова: Учеб. пособие. — Челябинск; Уфа, 1984. — 75 с.
- Панфилов В. З.** Роль естественных языков в отражении действительности и проблема языкового знака // Вопр. языкознания. — 1975. — № 3. — С. 27—39.
- Пауль Г.** Принципы истории языка. — М., 1960. — 500 с.
- Перетрухин В. Н.** Введение в языкознание. — Белгород, 1968 — 359 с.
- Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении. — 7-е изд. — М., 1956 — 511 с.
- *Плотников Б. А.** Основы семасиологии. — Минск, 1984. — 223 с.
- Попов А. С.** О грамматической форме и категории в морфологии русского языка // Материалы по русско-славянскому языкознанию. — Воронеж, 1964. — С. 297—300.
- *Принципы и методы семантических исследований.** — М., 1976. — 379 с.
- Программы педагогических институтов: Введение в языкознание...** — М 1980 — Сб. 3. — С. 5—15.
- Реформатский А. А.** Введение в языковедение. — 4-е изд., испр. и доп — М., 1967. — 542 с.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.** Справочник лингвистических терминов: Пособие для учителей. — М., 1972. — 495 с.

- Русский язык: Учеб. для 4 класса сред. шк. — 18-е изд., перераб. — М., 1988.
- *Русский язык: Энциклопедия. — М., 1979. — 432 с.
- Свидерский В. И.** О диалектике элементов и структуры (в объективном мире и в познании). — М., 1962. — 275с.
- Словарь русского языка: В 4 т. — М., 1957—1961.
- Слюсарева Н. А.** Теория ценности единиц языка и проблема смысла // Материалы к конференции «Язык как знаковая система особого рода». — М., 1967. — С. 64—69.
- Смирницкий А. И.** Значение слова // Вопр. языкознания. — 1955. — № 2. — С. 79—89.
- ***Смирницкий А. И.** Лексикология английского языка. — М., 1956. — 260 с.
- Смирницкий А. И.** Морфология английского языка. — М., 1959. — 440 с.
- Советский энциклопедический словарь. — 3-е изд. — М., 1985. — 1600 с.
- Солнцев В. М.** К вопросу о семантике, или языковом значении (вместо предисловия) // Проблемы семантики. — М., 1974. — С. 3—11.
- ***Солнцев В. М.** Язык как системно-структурное образование. — 2-е изд. — М., 1977. — 341 с.
- Сосина Р. В. А. А.** Потебня о значении слова // Уч. зап. / Рязан. гос. пед. ин-т. Каф. рус. яз. — 1962. — Т. 30. — С. 165—181.
- Соссюр Ф. де.** Труды по языкознанию. — М., 1977. — 695 с.
- Стеблин-Каменский М. И.** Об основных признаках грамматического значения // Вестн. ЛГУ. — 1954. — № 6. — Сер. обществ. наук. — Вып. 2. — С. 159—169.
- ***Стернин И. А.** Лексическое значение слова в речи. — Воронеж, 1985. — 171 с.
- ***Стернин И. А.** Проблемы анализа структуры значения слова. — Воронеж, 1979—156 с.
- Стернин И. А.** Речевая номинация и варьирование лексического значения слова // Проблемы семантики русского языка. — Ярославль, 1986. — С. 3—13.
- Тимофеев К. А.** Еще раз о семантике слова // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования: Сб. науч. тр. — Новосибирск, 1977. — Вып. VI. — С. 50—57
- Торопцев И. С.** Язык и речь. — Воронеж, 1985. — 199 с.
- Тышлер И. С.** О лексической полисемии слова: На материале англ. яз. // Язык и общество. — Саратов, 1967. — С. 178—194.
- Уфимцева А. А.** Опыт изучения лексики как системы. — М., 1962. — 287 с.
- Филин Ф. П.** Советское языкознание: теория и практика // Вопр. языкознания. — 1977. — № 5. — С. 3—12.
- Философская энциклопедия. — М., 1970. — Т. 5. — 740 с.
- ***Фоменко Ю. В.** К вопросу о единице языка // Изв. СО АН СССР. 1979. — № 11 — Обществ. науки. — Вып. 3. — С. 119—125.
- Фоменко Ю. В.** О природе грамматического значения // Семантические категории языка и методы их изучения: [Тез. сообщ.] — Уфа, 1985. — Ч. 2. — С. 94—95.
- Фоменко Ю. В.** О характере связи синтаксиса с семантикой // Русская лексикология и вопросы межуровневых связей. — Новосибирск, 1979. — С. 3—11.
- ***Фоменко Ю. В.** Слово и лексический контекст // Науч. тр./ Новосиб. гос. пед. ин-т. — 1974. — Вып. 109. Проблемы рус. лексикологии. — С. 3—11.
- ***Фоменко Ю. В.** Слово и синтаксический контекст // Вопросы структуры и функционирования русского языка. — Томск, 1981. — Вып. 4. — С. 3—9.
- ***Фоменко Ю. В.** Слово как единица языка // Слово в системе и тексте: Межвуз. сб. науч. тр. — Новосибирск, 1988. — С. 3—20.
- Фоменко Ю. В.** Типы лексических значений в русском языке // XI науч. сессия Новосиб. гос. пед. ин-та, посвящ. 50-летию Велик. Октябр. соц. революции: Материалы к сессии. — Новосибирск, 1967. — Вып. 4. Рус. яз. — С. 3—13.
- ***Фоменко Ю. В.** Язык и речь: Учеб. пособие. Новосибирск, 1990.
- Фомина М. И.** Современный русский язык: Лексикология. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1983. — 335 с.
- Харченко В. К.** Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Рус. яз. в школе. — 1976. — № 3. — С. 66—71.
- Чейф У.** Значение и структура языка. — М., 1975. — 432 с.

- Черкасова Е. Т.** Переход полнозначных слов в предлоги. — М., 1967. — 280 с.
- Шанский Н. М.** Лексикология современного русского языка. — М., 1964. — 316 с.
- Шафф А.** Введение в семантику. — М., 1963. — 376 с.
- Шаховский В. И.** Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантической категории лингвостилистики // Проблемы семасиологии и лингвостилистики. — Рязань, 1975. — Вып. 2. — С. 3—25.
- Шмелев Д. Н.** О типах лексических значений слов // Проблемы современной филологии, — М., 1965. — С. 288—292.
- Шмелев Д. Н.** Очерки по семасиологии русского языка. — М., 1964. — 244 с.
- *Шмелев Д. Н.** Проблемы семантического анализа лексики. — М., 1973. — 280 с.
- Шрамм А. Н.** Структурные типы лексических значений слова: На материале качеств. прилагательных // Филол. науки. — 1981. — № 2. — С. 58—64.
- Щетинкин В. Е.** Двусмысленность как лингвистическое явление // Проблема слова и словосочетания: Межвуз. сб. науч. тр. — Л., 1980. — С. 5—13.
- Щур Г. С.** О двух принципах группировки лингвистических единиц // Уч. зап. / Ярослав. гос. пед. ин-т. — 1971. — Вып. 84. — С. 37—44.
- Щур Г. С.** О некоторых общих категориях лингвистики // Вопросы общего языкознания. — М., 1964. — С. 16—31.
- Щур Г. С.** Теории поля в лингвистике. — М., 1974. — 255 с.
- Якобсон Р.** Взгляды Боаса на грамматическое значение // Якобсон Р. Избр. раб. — М.; 1985. — С. 231—238.
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Слово как основная единица языка	3
 Глава 1. План содержания слова.....	4
1. Лексическое значение	4
2. Многозначность слов	19
3. Типы лексических значений.....	29
4. Грамматическое значение.....	40
5. Эмоционально-оценочный компонент	45
6. Стилистический компонент.....	45
 Глава 2. План выражения слова	47
1. Форма слова	47
2. Грамматические формы слова.....	48
3. Варианты слова.....	51
4. Способы выражения компонентов содержания слова.....	53
 Заключение	59
Цитируемая литература	60

Юрий Викторович Фоменко

УЧЕНИЕ О СЛОВЕ

Учебное пособие

Темплан 1991 г., поз. 180

Редактор *В. Я. Тихонова*

Технический редактор *О. А. Осинцева*

Художник обложки *А. А. Заплавный*

Сдано в набор 28.11.90 г. Подписано к печати 22.04.91. Формат бумаги 60X84/16. Гарнитура литературная.
Печать офсетная. Уч. изд. л. 5. Усл. п. л. 4. Тираж 500 экз. Заказ 10. Цена 75 коп.

Пединститут, 630126. Новосибирск, 126, Виллюйская, 28. ППО «Печать», 630007, Новосибирск,
Красный проспект, 22.